

Гамбит девятихвостого лиса

Автор:

[Юн Ли](#)

Гамбит девятихвостого лиса

Юн Ха Ли

Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФМеханизмы Империи #1

Капитан гекзархата Кел Черис опозорила себя нестандартной боевой тактикой. Командование дарит ей последний шанс вернуть честь, отбив захваченную еретиками Крепость Рассыпанных Игл. На карту поставлена не только карьера Черис. Если космическая крепость останется в руках мятежников, гекзархат падет следом.

Единственная надежда Черис – это союз с мертвым генералом Джедао, визионером, Архипредателем и безумцем. Он выигрывал битвы, которые невозможно выиграть, и только его военному гению по силам захватить крепость. В своей первой жизни он обезумел и полностью истребил обе армии, одной из которых командовал сам, но теперь он лишь призрак в «черной колыбели».

Чем ближе конец осады, тем у Черис возникает больше вопросов к генералу. Так ли он безумен? Что он планирует? Не станет ли она его следующей жертвой?

Юн Ха Ли

Гамбит девятихвостого лиса

© Н. Осояну, перевод на русский язык, 2018

* * *

Глава первая

В Академии Кел инструктор как-то раз объяснила классу Черис, что пороговый отделитель – это оружие на крайний случай, и не только потому, что он печально знаменит. Упомянутому инструктору случилось как-то раз узреть отделитель в действии. Одна деталь засела у Черис в памяти, и она была связана не с тем, что каждая дверь в осажденном городе излучала радиацию, которая испепелила жителей. И не с основополагающими уравнениями оружия, и даже не с тем, что левый глаз инструктора, поврежденный во время того самого штурма, лучился мерцающим призрачным светом.

Черис лучше всего запомнилась фраза, сказанная инструктором невзначай: увидев трупы, которые были просто трупами, а не искореженными источниками радиации на фоне выжженных дочерна стен и стеклянного мусора, с лопнувшими глазными яблоками, она испытала один из лучших моментов в своей жизни.

Пять лет, пять месяцев и шестнадцать дней спустя, окруженная разбитыми танками и дымящимися ямами на планете под названием Драга, форпосте Угрей-еретиков, капитан Кел Черис[1 - Названия фракций гекзархата (Кел, Шуос, Видона, Рахал и Андан), присоединенные к именам персонажей, не склоняются (по аналогии с китайскими, японскими и корейскими фамилиями). – Прим. перевод.], командующая ротой Цапли, 109-229-го батальона, пришла к выводу, что инструктор несла полную ерунду. У мертвецов, у обнаженных костей, с которых испарилась плоть, утешения не получишь. Ничего не получишь, кроме голых цифр.

На инструктаже им сообщили, что Угри обзавелись генератором направляющих бурь. Бури приводили векторы в беспорядок. Эффект был локальным, но проблематичным, если параллельные колонны оказывались на противоположных концах дороги в сотне километров друг от друга, и

фатальным, если движение по поверхности планеты уводило их под землю. Окажешься слишком близко – и бури могут полностью расщепить твои атомы на составные части. Черис и других капитанов заверили, что пожиратели погоды сдержат бури и что пехоте Кел надо всего лишь пойти и захватить генератор.

Это было восемнадцать часов назад. Крах плана никого не удивил. А вот бойня – другое дело.

Рота Цапли покинула прикрытие юго-западных лесов всего лишь восемьдесят три минуты назад. Они намеревались продвигаться по нудной извилистой траектории на восток, а потом – на север, вокруг высоты 117, потому что разведка указала, что передовые отряды Угрей предположительно обосновались в гористой местности вблизи лесов, оставляя путь через холмы открытым. Когда рота Черис выбралась из зарослей, они увидели, что произошло с подразделениями Кел, которые их опередили.

Первые впечатления от того, что стало с батальоном, оказались такими ошеломительными, что Черис не удалось сразу взять себя в руки. Она увидела чьи-то вывернутые наизнанку ступни рядом с ботинками, на которых не было ни пятнышка. Черные с золотом униформы Кел, вплетенные в потрескавшиеся ребра. Искореженные черепа с разинутыми челюстями и глазницами на висках, с застрявшими в зубах кусочками сухожилий. Богохульная книга, написанная всеми оттенками красного, какие человеческое тело порождало без особой на то причины, – книга, чьи страницы раскидало по всему полю боя от горизонта до горизонта.

Ее рота выжила благодаря дурацкому стечению обстоятельств. Ошибка полевой сети помешала им прибыть вовремя, так что главный удар противника они пропустили. Она не знала, выжили ли какие-то другие роты или батальоны. Невозможность связаться с полковым штабом не удивляла. Ничего нового – просто опять вырубилась связь. Однако приказ есть приказ, и лучше двигаться вперед. Как только они подойдут достаточно близко, главные силы Угрей больше не смогут запускать против них бури без риска самим оказаться в зоне действия.

Пульсирующее тепло в левой руке сообщило, что кто-то вышел на связь. Сервитор Воробей?З передал координаты батальона Угрей, который должен был прибыть примерно через два часа. Передача оборвалась вспышкой боли: сервитора засекли. Было опрометчиво надеяться, что Угри не узнают в нем

сервитора Кел, и тот факт, что они позволили ему узнать, что он раскрыт, и лишь потом уничтожили, вызывал беспокойство. Но оплакивать Воробья?З, который любил музыку Кел, не было времени; этим придется заняться потом.

– От других сервиторов что-нибудь есть? – спросила Черис у своего офицера по связи, лейтенант-инженера Диненга, по субвокальной трансляции[2 - Субвокализация – мысленная речь, при которой фактические движения языка и голосовых связок могут фиксироваться специальными датчиками.].

Пауза.

– Ничего, сэр, – ответил Диненг. – Воробей?8 изучает бурю впереди.

Черис нахмурилась, просматривая периодически мелькающие в поле зрения донесения. Вообще-то визуальный оверлей мешал как следует видеть местность, но она к такому привыкла.

Сравнивая старые карты и новые разведданные, она вполуха слушала болтовню по субвокальной сети. В трескучем звуковом потоке снова и снова выделялись некоторые слова и фразы: Угри. Спать. Бури, фрактальный коэффициент, ну почему эти пожиратели погоды не поторопятся. И, помилуйте, неужто Кел Иноэ опять рассказывает про свою интимную жизнь?

Со своей стороны, Черис не возражала бы свернуться клубочком в тени какой-нибудь скалы и проспать неделю. Неделя была одной из немногих единиц измерения времени, которые гекзархат не регулировал. В ее старом доме, в городе Пирующих Воронов, пользовались восьмидневной неделей. Уставая, она легко путала военную десятидневную неделю с восьмидневной. Согласно традициям, которым втайне следовал народ ее матери, сегодня был День Падали, напоминающий о важности тех, кто поглощает мертвечину. Согласиться с этим было трудно.

– Сэр. – Старший лейтенант Кел Вераб вынудил ее стряхнуть задумчивость. – Мне не нравятся эти силуэты на высоте 119. – Та располагалась к юго-западу от 117-й. Черис вывела нужное изображение на свой дисплей и нахмурилась при виде замысловатых очертаний. – Вероятно, это какая-то установка, и, держу пари, у нее есть глаза. Рискну предположить, что Угри пустят в ход артиллерию в ту же секунду, когда подумают, что могут накрыть нас всех сразу. Может,

стоит продолжать двигаться на восток.

– Мы не сможем вечно избегать еретиков, – возразила Черис. – Будем надеяться, что формационная защита выдержит, когда они начнут кидаться снарядами. – Она обратилась к роте. – Формация «Веер Пир». – На самом деле она называлась длиннее, но на поле боя ни у кого не было времени на полные имена.

«Веер Пир» относился к простейшим формациям. Как и предполагало название, она напоминала клин. Она была самой легкой для Черис: капитан сама заняла главную опорную точку в авангарде, а остальные построились относительно нее.

Формационный бой был специальностью Кел. Комбинация формационной геометрии и келовской дисциплины позволяла овладевать экзотическими эффектами, от тепловых копий до силовых щитов. К несчастью, как и вся экзотика, эта способность зависела от приверженности местных жителей к высокому календарю гекзархата. А высокий календарь был не просто системой хронометрии. Он включал праздники, поминальные дни с ритуальными пытками еретиков и весь шаткий общественный порядок.

Черис поняла, что формационный эффект подействовал, когда мир сдвинулся в синий спектр, а всё черное сделалось серым. «Веер Пир» предоставлял защиту от погоды. Обычно предпочитали полагаться на пожирателей погоды, но Черис утратила всякую веру в то, что в этой миссии от них будет какой-нибудь прок. К несчастью, формация не защитит ее подразделение от прямого попадания. Капитан надеялась подойти поближе к генератору до того, как это станет проблемой.

На случай изменения в ситуации были и другие формации. Пехотная библиотека Кел включала тысячи, хотя лишь сотня или около того входили в обязательный для студентов Первичный лексикон. Также надо было сделать поправку на переходный период модулирования, в особенности при переключении на какую-нибудь малознакомую формацию. Черис могла передать солдатам всю необходимую информацию через сеть, но это бы не заменило строевые учения.

Когда они повернули на север, ритм марша успокоил Черис. Под ногами солдат хрустели кряжистые суккуленты, слишком низенькие, чтобы предоставить надежное укрытие. Растения источали едкий запах, который рассеивался и наполнял воздух липкой сладостью. Во время региональной разведки местности

их не пометили как токсичные. Черис не знала, представляют ли растения какую-то важность для Угрей. Наверное, она покинет Драгу – если вообще покинет, – так и не узнав.

Лейтенант Вераб посредством тепловой пульсации предупредил ее о замеченных врагах. По внутренней связи Черис услышала, как младший сержант ругает какого-то новобранца-растяпу за то, что тот уронил винтовку.

Полевые укрепления Угрей, занимающие один из холмов повыше, выглядели суровым утесом посреди пыльного моря, и их патрули вели себя с некоторой небрежностью. Но в какой-то момент далекие силуэты людей оживленно засуетились: Черис готова была держать пари, что до сих пор они считали, что находятся в безопасности.

Она уделила толику внимания знамени Угрей, на котором изображались зеленое пламя и мрачная тень из повторяющихся завитушек. Угри называли себя «Обществом расцвета», хотя гекзархат этим названием не пользовался. Отнимая имена, они лишали людей силы – Черис усвоила этот урок и старалась о нем не думать.

– Развернуть знамя Кел, – рявкнула она. – В атаку, огонь. Пусть умрет всё, что хоть дернется.

Знаменосцы запустили генератор, и в небе вспыхнуло ослепительное пламя. Посреди золотого огня возник пепельный ястреб Кел – черная птица, горящая в пламени собственной славы, а под ястребом – личная эмблема их генерала, Цепь шипов. Несмотря на веселое удивление Черис по поводу того, как чувствительны были Кел к дизайну – конечно, эмблемой был напыщенный пепельный ястреб, конечно, не обошлось без огня, – при виде знамени она испытала приступ жгучей боли в тайных глубинах души.

Несколько новобранцев из взвода Вераба стреляли в защитников, слишком быстро и не очень хорошо. Сержант, отвлекшись на что-то другое, не спешил направить их усилия с большей пользой, но Вераб уже взялся за дело сам. И всё-таки лучше стрелять, чем не стрелять.

Вокруг них поднялась буря, с устрашающей точностью огибающая укрепления Угрей. Мир погрузился в хаос, посреди которого мелькали чьи-то силуэты. Запах

земли был острым, солено-сладким; на губах скрипел песок. Где-то на задворках разума Черис осознала, что источник сладости – цветущие суккуленты.

Придется пробраться через лагерь, прежде чем они разыщут какое-нибудь укрытие от погоды. Черис точно не знала, готовы ли Угри пожертвовать товарищами, чтобы обрушить на Кел по-настоящему мощную бурю.

– Лейтенант, взвод у вас под контролем? – спросила Черис Вераба.

Для формационного боя имело значение умонастроение каждого солдата, ведь в противном случае экзотические эффекты ослабевали. В этом микрокосме отчетливо выражалась важность Доктрины для общества гекзархата. Формационный инстинкт, который каждому Кел внедряли в Академии, должен был обеспечить нужную сплоченность. На практике с кем-то получалось лучше, с кем-то – хуже.

– Они будут служить, сэр, – отрывисто ответил Вераб.

– Позаботьтесь об этом, – сказала Черис.

Дисплей показывал, что остальные взводы держатся стойко. Пули лупили по защитному полю формации и рикошетили под абсурдными углами. Шел проливной дождь, но ни одна капля не упала на Черис или солдат, которые стояли рядом с нею.

Дождь странным образом превратился в снег, а снег – в кристаллы. Она приказала Воробью¹⁴ поймать один и принести. Тот серебристо блестел и преломлял свет, порождая миниатюрные радуги – холодные и печальные, в сине-фиолетовых тонах. Она не коснулась кристалла, пусть и была в перчатках Кел. Воробья уже пожирала коррозия, и она выразила ему свое сожаление. Он безропотно чирикнул в ответ.

«Веер Пир» должен был защитить их от бури без дополнительных преобразующих эффектов. Черис нахмурилась. За пять лет учебы в Академии она немало времени уделила математическим аспектам формационной механики. Выбирая формацию, она точно знала, какие у той слабые стороны.

Проблема заключалась в том, что ее анализ зависел от консенсусной механики высокого календаря. Теперь появились свидетельства того, что генератор направляющих бурь работал именно так, потому что полагался на радикально еретический календарь с сопутствующей еретической механикой, и это мешало формации действовать как полагается. Она разозлилась на себя из-за того, что не предусмотрела такое. Чаще всего еретики использовали технологии, совместимые с высоким календарем, но развитие чисто еретической технологии всегда оставалось вероятным.

Вышестоящим следовало об этом знать, но она и не ожидала, что генералы станут беседовать с офицером более низкого ранга на темы, связанные с ересью. И всё же другие роты Кел не должны были погибнуть вот так, размазанными по полю боя. Как и Черис, их капитаны положились на пожирателей погоды или формации, на экзотические эффекты, от которых цивилизация сделалась зависимой после их открытия. Черис мало к чему относилась с презрением, но бессмысленные траты были как раз по этой части.

Отклонение от высокого календаря можно было измерить, и подразделение Черис предоставило ей инструмент для подобных измерений. Она перевела дух, прислушиваясь к субвокальной болтовне. Буря и смерть, цвет неба и волдыри. Враг враг враг и грёбаные кристаллы. Просто царапина, нет... Криф мертва. То есть Криферафа, которую вечно дразнили из-за непроизносимого имени.

Пули и огонь Угрей обрушились на них, сливаясь с бурей. Черис невольно дернулась, когда мимо с шипением пронеслось огненное щупальце, отклоненное формацией.

Солдатам не понравится то, что она задумала, но какая разница – главное, чтобы они выжили.

– Переключаю на себя управление формацией, – сообщила Черис в эфире. Ее дыхание застывало в воздухе серебристо-белыми облачками. Она почти не чувствовала холода – дурной знак. – Отряды с третьего по шестой, упорядочить формацию. – Она написала уравнения одной рукой на другой руке, позволяя кинетическим сенсорам их фиксировать.

Сперва небольшая проверка. Потом, в зависимости от результатов, дополнительные проверки, чтобы понять, в чем заключаются отклонения и

можно ли извлечь из них что-то полезное. В работе с еретической механикой таилась некоторая доля ереси, но ей приказали использовать все имеющиеся ресурсы – и Черис собиралась сделать именно это.

Формация дрогнула. Черис не видела этого со своей позиции, но иконка формации сделалась яркой и колючей, предупреждая, что ее целостность под угрозой. Скрежещущий звук в ушах капитана подталкивал дать сигнал к отступлению или приказать солдатам сменить формацию на другую – любую, какую угодно, но в рамках Доктрины. По краям поля зрения появилась краснота.

– Так задумано, – раздраженно сказала Черис и стерла все тревожные предупреждения.

Настоящая проблема заключалась в другом. Настоящей проблемой была нерешительность ее солдат. Отряды Три, Пять и Шесть следовали приказам, хотя Шестому было нелегко перестроиться – они потеряли слишком много людей. Черис смягчилась и попросила у сержанта снимок местности. Направляющая буря рассекла отряд, оставив после себя грязные пятна и части трупов, которые расплывались в розоватые лужи. Черис внесла уточнения в формацию, но с остальным сержанту предстояло разобраться самостоятельно.

Четвертый отряд сопротивлялся приказам. «Веер Пир» они знали и понимали. А присланные ею изменения – нет. Сержант выдал шаблонный протест, чуть ли не процитировал кодекс поведения Кел. Формация не входила ни в один из лексиконов Кел. Нетрадиционное мышление угрожало испытанной иерархической системе. Ее приказы мешают продвижению интересов гекзархата. И так далее.

Буря атаковала: завесы пульсирующего света падали одна за другой, со змеиным проворством, принося с собой едкий запах. Черис и Диненг послали им навстречу еще одного Воробья – убедиться, что свет несет смертельную опасность. Воробей слишком поздно увернулся от световой ленты, и его с пронзительным взвизгом рассекло на металлические ленточки. Куски посыпались на землю, где свет начал их снова и снова преобразовывать, пока не получилось что-то вроде скопления усеченных кубов. Черис поморщилась, но уже ничего нельзя было сделать.

Черис вышла в эфир и с безграничным терпением сказала непокорному сержанту:

- Подумайте еще раз.

Лучше всего заручиться его поддержкой. Иначе ей придется снова пересмотреть формацию, и кто знает, что из этого выйдет.

Она годами сидела с ним за офицерским столом, слушала его анекдоты о службе в Затонувшей марке[3 - Марка - здесь означает, как в средневековой Европе, приграничную провинцию.], у Оперённого моста между двумя великими континентами мира под названием Макту. Она знала, что он любит дважды глотнуть из собственной чаши, после того, как общинная чаша проходит по кругу, а потом переложить пикули или шпинат с кунжутом поверх риса. Она знала, что он предпочитает раскладывать вещи по местам. Это было понятное побуждение. И оно вело его к смерти.

Она начала переписывать уравнения, зная, каким будет ответ.

Сержант повторил протест, чуть не обвинив ее саму в ереси. Формационный инстинкт должен был вынудить его подчиниться, но тот факт, что он считал ее действия глубоко не-келскими, подпитывал желание сопротивляться.

Черис оборвала связь и разослала сведения о новой формации. В подтверждении от лейтенанта Вераба слышались мрачные нотки. Черис пометила четвертый отряд как изгнанников - они перестали быть Кел. Они ей не подчинились, и дело с концом.

Новая формация неуклюже собралась и двинулась вперед. Теперь они принимали на себя более тяжелый огонь. Два дерева взорвались от прикосновения Угриного огня, когда мимо них прошел Пятый отряд. Разлетевшимися щепками капрала пришилило к склону холма. Солдат в трех шагах от Черис вывалился из формации и исчез, превратившись в облако кровавых ошметков. Кел Никара, который так красиво пел...

Четвертый отряд уже растворялся, но ей было некогда на них смотреть.

Черис вела наступление от точки до точки. Она снова перестроила формацию, разослав приказы отдельным солдатам, прорабатывая в уме промежуточные формы, целью которых было удержать геометрию в пределах допустимых ошибок. Буря рассеивалась: они были слишком близко к Угрям. Следующий вопрос заключался в том, сможет ли она теперь, когда влияние бури сходило на нет, разработать формацию, которая предоставит им лучшую защиту против инвариантных орудий Угрей, работающих в любом календаре.

Их превосходили числом в соотношении пять к одному, но формации были Угрям недоступны, так что у Кел имелся шанс. Черис спешила, и ей удобнее всего было воспользоваться незатейливым множителем силы. Новые изменения. Оставшиеся солдаты ей доверяли. По внутренней связи донеслось: Угри, вонь трупов, тяжелый огонь от того трупа, барабанный бой. Они снова обращали внимание на важное.

К облегчению Черис, множитель силы, изъятый из формации под названием «Один шип отравляет тысячу рук» и модифицированный, удалось линеаризировать для использования в формации ее собственного сочинения. Она и ее солдаты были вооружены календарными мечами, которые обычно использовались для дуэлей. Она не очень-то любила это оружие, но они находились возле генератора бурь, который следовало взять в целостности и сохранности – на этот счет приказы генерала были яснее ясного. Мечи не повреждали неживые объекты, что и стало главным доводом в их пользу.

– Мечи к бою, – скомандовала Черис.

Кел обнажили мечи – полосы света разных оттенков. Меч Черис переходил от синего у рукояти к красному у острия. По мере того, как они сближались с врагом, вдоль «лезвий» вспыхивали цифры: «День и час твоей смерти», так это называли Кел.

Только вот дата и время на мече Черис были неправильные. Она оказалась не единственной, кого это потрясло. В ремонт его, лучше бы винтовку взял, ужасная календарная гниль. Цифры не просто были аномальными, они трепетали и искрились, то расплывались, то делались снова четкими. Быстрый обзор всей роты показал, что та же самая неприятность постигла каждый меч. Это само по себе было плохо, но мечи даже не были синхронизированы.

– Сэр, может быть, другое оружие... – начал лейтенант Вераб.

– Продолжаем наступление, – сказала Черис. – Никаких пистолетов. – Если мечи окажутся неэффективными, придется попробовать что-то другое, но пока что они не отключились совсем. Это давало Черис надежду – если ее можно было так назвать.

Сперва всё шло хорошо. От каждого удара мечом падали десятки Угрей, силовые линии косили их ряды. Сама Черис работала мечом методично, по-деловому, так же, как и на дуэлях. Один ее выпад сразил восемь солдат в рядах Угрей. С углами атаки у нее всегда был порядок.

Формация Кел держалась, пока они прорубались сквозь Угрей. Остаточный туман на холме окрасился в рыжеватый цвет. Черис нарочно вглядывалась в лица Угрей. Они не очень-то отличались от ее собственных солдат: моложе и старше, с темной кожей или бледной, глаза чаще всего карие, но иной раз серые. Один из них мог бы оказаться братом Диненга, не считая светлых глаз. Но календарный свет превращал их в чужаков, окутывая смутными тенями, которые медленно рассеивались.

Они столкнулись с неожиданной помехой, когда генератор бурь оказался в поле зрения. Приземистая установка взгромоздилась на вершине невысокого холма, окруженная прозрачным частоколом. Генератор сильно напоминал маленький и деформированный танк. Черис запросила и получила оценку его приблизительной массы от одного из Воробьев. Ответ заставил ее прикусить губу. Что ж, для этого им и нужны «поплавки».

Еще страннее было то, что генератор охраняли всего лишь четверо сервиторов, принадлежащих Угрям. Они были вооружены лазерами, но пока что их огонь не проникал сквозь защиту Кел.

Черис поняла, что текущая формация становится неэффективной, когда воздух сделался холодным и серым. Ей стало трудно дышать, и, хотя у нее была аварийная система подачи воздуха – как и у всех, – она заподозрила, что это лишь начало. И действительно, вскоре им к тому же стало всё труднее и труднее двигаться.

Ее первые попытки восстановить формацию привели лишь к тому, что ветер сделался более холодным, а мир – более серым. Стиснув зубы – зима, энтропия, пора выбираться, но они ведь так близко, – она попробовала новую конфигурацию. Было трудно думать, трудно заставлять себя дышать. Ей показалось, что она слышит песню снега.

– Мне нужны ваши вычислительные квоты, – сказала Черис своим лейтенантам. Они так близко к генератору погоды, и Угри отступали, разбитые. Надо просто захватить проклятую штуковину и продержаться, пока их не эвакуируют. Но чтобы выстоять, нужна работающая формация. Капитану этого хватило, чтобы затосковать по временам банальных пуль и бомб.

Сама мысль о том, чтобы лишиться солдат вычислительных мощностей, нравилась ей не больше, чем им, – то есть совсем не нравилась. Но они не были в лагере, где могли бы создать более мощную сеть. У них не было доступа к большой и действенной сети дружественного пустомота или военной базы. Ей пришлось использовать полевую сеть, поскольку это было всё, чем они обладали.

Черис дала своей роте секунду на осознание того, что должно было случиться, а потом переключила выделенные им вычислительные мощности на себя. Она проигнорировала возражения, большей частью рефлекторные, но не всегда: не вижу, потерял координаты, здесь так холодно, череда ругательств. Вераб что-то говорил другим лейтенантам, но не пометил разговор как достойный ее внимания, так что она решила, что он сам разберется.

Она сформулировала вопрос так, чтобы в разумное время посредством вычислительной атаки найти ответ. Сеть роты не обладала разумом подобно военным сервиторам, но могла четко реагировать, если с ней правильно беседовали. Когда мир погрузился во тьму, сеть проинформировала Черис, что та должна действовать на основе определенной серии приблизительных моделей. Черис разрешила произвести вычисления и добавила несколько ограничений, чтобы поскорее найти подходящее решение.

Она понимала, в чем проблема: генератор бурь не просто полагался на еретическую механику – что также объясняло трудности, с которыми столкнулись пожиратели погоды, – он еще и сам по себе являлся нарушением высокого календаря. Мысль о том, что придется докладывать об этом начальству, не обрадовала Черис.

Их омыло зелено-черным огнем – это был один из последних всплесков сопротивления Угрей. Черис молча умоляла формацию продержаться достаточно долго, чтобы полевая сеть разобралась с вычислениями. «Быстрее», – подумала она, чувствуя такой холод, что казалось, будто ее зубы превратились в льдинки, а пальцы – в оцепенелые артритные коряги.

– Генератор наш, сэр! – прокричал Вераб, когда его взвод уничтожил последний тлеющий очаг вражеской силы. Они получили передышку.

– Хорошая работа, – искренне поблагодарила Черис. – Теперь надо продержаться.

Вычисления стоили дорого. По внутренней связи Черис обнаружила, что Кел Зро из Третьего отряда выгрузила больше функций ситуационной осведомленности, чем устанавливали строгие правила, и теперь ей пришлось за это расплачиваться. Солдат справа от Зро предупреждающе вскрикнул, и она едва успела скорректировать свою позицию, чтобы не угодить под всплеск вражеского огня. Зро была не единственной, у кого начались проблемы. Даже те, кто использовал релейную связь с обычными предосторожностями, столкнулись с нарушениями синхронизации.

Черис попросила у сети оценку предварительных результатов и просмотрела их. Не то, не то, не то... ага. Она ввела свои предложения и продолжила ждать, пока небо становилось всё тусклее.

– Сэр, – сказал лейтенант Анкат из Третьего взвода. – Чутье подсказывает мне, что кто-то вынуждает Угрей сплотиться и напасть на нас. Это, знаете ли, умный ход с их стороны.

– Я не могу ускорить вычисления, – сказала Черис. – Мы Кел. Они нет. Если придется грызть их зубами, чтобы стряхнуть с собственных пяток, так и поступим.

Наконец сеть выдала рабочую модель ситуации, в которой они оказались. Черис сдержала невольный вздох облегчения и произнесла приказы, с трудом ворочая языком, подобным куску угля, в котором погасла последняя искра.

В ответ рота пришла в движение, словно машина, разобранный на скрипучие компоненты. Черис подстроилась под образ действий Первого и Второго взводов и приказала тыловым взводам развернуться и заняться остатками Угрей. Постепенно – по мере того как они занимали нужную позицию – остатки энтропийного холода растаяли. Какое же облегчение, снова дышать полной грудью.

Черис уделила секунду размышлениям о трупах Угрей поблизости. Некоторые усохли и превратились в статуи из мутного льда. Другие растворялись в лужах загадочных цветов, не похожих на подлинные оттенки плоти, глаз, волос. Она оценила количество жертв и записала сведения, чтобы позже сравнить с данными Воробьев. Важно признавать цифры, в особенности если речь идет о тех, кто погиб по твоей вине.

Черис и лейтенанты реорганизовали роту, чтобы лучше защищать генератор бурь, используя формацию, тревожно напоминающую «Погребальный костер, прогорающий изнутри» из запрещенного списка. Потом она послала импульсную передачу, которая уведомляла орбитальное командование о том, что им удалось занять непрочный плацдарм на территории Угрей. Если повезет, передача достигнет цели.

Когда пришел ответный вызов, она не сразу узнала подпись командующего, потому что не ждала ответа – уж точно не так скоро после отправки пакета данных.

Раздался голос, язвительный и потрясающе четкий после невнятного жужжания внутренней связи:

– Вызываю капитана Кел Черис, рота Цапли, 109-229-й батальон.

Она узнала говорившего: бригадный генерал Кел Фарош, ответственная за экспедицию.

Продолжая наблюдать за ситуацией, Черис ответила по тому же каналу, используя соответствующий ключ.

– Это капитан Черис, генерал. Мы захватили цель.

– Не имеет значения, – сказала Фарош; Черис ждала не такого ответа. –
Подготовьтесь к эвакуации через двадцать шесть минут. Оставьте генератор.
Мы на время вырубili ПВО Угрей в этой зоне.

Черис бросила взгляд через плечо на генератор, сомневаясь, что правильно
расслышала. Машину окружал искрящийся сгусток сине-фиолетового света. От
одного взгляда она вспомнила о холоде, и кости заныли.

– Генератор, сэр?

– Вы проделали хорошую работу – сказала Фарош, – но теперь это чужая
проблема. Оставьте его там, где нашли. – И она отключилась.

Черис передала известие остальным.

– Да вы шутите, сэр, – пришел ответ Вераба. – Мы же здесь сейчас, так давайте
закончим дело.

– Мы всегда можем остаться добровольно, – сухо заметил Анкат. – Все знают, как
сильно Командование Кел любит добровольцев.

– Мне ясно дали понять, что нам следует убираться отсюда, – сказала Черис. Но
она разделяла их досаду. Они рассчитывали выгнать Угрей из их убежищ, чтобы
силовики гекзархата смогли перепрограммировать выживших и вновь сделать
их частью цивилизации. Странно, что экспедицию вот так прервали. Зачем
посылать их за генератором бурь, если брать его с собой нет нужды?

Самый младший из солдат – Кел Дезкен, только что из академии – выскользнул
из строя, пытаясь поделиться с товарищем дурацкой шуткой, и погиб от
последней пули Угрей. Черис отметила это мимоходом. Крайне неудачный
момент, но Кел часто сопровождал неудачи.

Когда прибыли хопперы и команды медиков, чтобы доставить их на орбиту, в
сопровождении сервиторов модели «сторожевой ястреб» и – хоть их польза была
сомнительна – пожирателей погоды, Черис испытывала разочарование по поводу
того, что приходилось покинуть поле боя. В каком-то смысле каждая битва была
домом: ужасным домом, где за маленькие ошибки наказывали, а великую

добродетель не замечали, и всё-таки... Она не знала, что говорит о ней как о человеке такая приверженность долгу, но до той поры, пока это ее долг, размышления по этому поводу не имели значения.

«Сторожевые ястребы», угловатые птицеформы, обеспечили огневое прикрытие, чтобы рота смогла спокойно погрузиться в транспорт. Они как будто испытывали от своей работы некую безмятежную радость, летая вверх-вниз, туда-сюда. Никаких формаций; сервиторы Кел были формационно-нейтральными.

Солнце Драги ярко сияло в небе. Его свет отражался на оружии, которое выпало из сломанных рук, на крови и пятнах желтой жидкости на треснувших ребрах, на игольчатых осколках буревых кристаллов. Черис поднялась на борт последней. Она зафиксировала поле боя в памяти, как будто выцарапывая его на стенках собственного черепа.

Переполненный хоппер пропитался потом и изнеможением. Черис села чуть дальше от остальных солдат. Она смотрела в иллюминатор, когда они взмыли в небо, так что увидела, как дожидавшийся знаменит Кел сбросил две бомбы, аккуратно и точно, на то самое место, которое они только что покинули. Целый день тяжелой битвы, и ее цель как таковая обращена в ничто бризантными снарядами. Она продолжала смотреть, пока яркие цветы взрывов не превратились в искорки, которые едва можно было увидеть невооруженным глазом.

Глава вторая

Гекзарх Шуос Микодез сам не знал, что хуже: мерцающие показания, оповещающие его о кризисе в Крепости Рассыпанных Игл, или тот факт, что серебряная иконка вызова с пустомота гекзарха Нирай Куджена безостановочно подмигивала ему вот уже четыре часа и двенадцать минут. Для начала, Куджен был болтливым ублюдком, – впрочем, не Микодезу его за это критиковать, – а самое худшее заключалось в том, что у него имелась серьезная причина связаться с Микодезом по поводу опасности, грозящей гекзархату.

Штаб-квартира фракции Шуос располагалась в Цитадели Глаз, звездной крепости в марке Стекланных ножей. Казалось бы, простой астрографический

факт, только вот он означал, что Цитадель находилась неприятно близко к Крепости Рассыпанных Игл в прилегающей Запутанной марке, где недавно и начались неприятности. Календарные течения иной раз простирались на удивление далеко, даже с поправкой на межзвездные расстояния, и от этого Микодез с особенным вниманием воспринял проблему, которая маячила на горизонте. Увы, от маленькой ереси большие неприятности. Но он был уверен, что их лучший кандидат для решения этой задачки был одновременно и лучшим кандидатом на получение разрешения использовать кое-какое оружие Шуосов – самое старое оружие Шуосов, в особенности с учетом того, что оно находилось в Арсенале Кел. Гептарх Шуос Хиаз, которая и передала его под контроль Кел 398 лет назад в припадке безграничной злости, была ответственна за многое.

Так или иначе, Микодез не любил медлить, но требовалось время, чтобы его математики закончили последнюю проверку избранной им кандидатки из числа Кел с учетом того, что она только что учудила на Драге. В Цитадели Глаз у него было множество кабинетов, и сегодня он устроился в том, который использовал для завершения начатых дел, а не для того, чтобы пугать впечатлительных собеседников. Во всяком случае, ничто из того, что он держал в этом офисе, не испугает Куджена – ни картины с изображением девятихвостых лис с их глазастыми хвостами, ни отсутствие видимого оружия, ни узорчатая доска для игры в камни с незаконченной партией, ни случайная подборка натюрмортов. Микодез считал важным окружать себя вещами, которые не имели ничего общего с его работой. (В основном. Он не хуже других Шуосов придумывал способы убивать людей с помощью предметов, которые для этого как будто не годились.)

Сегодняшнюю картину он выбрал нарочно, чтобы вывести Куджена из равновесия: впечатляющее архитектурное сооружение с безумными изгибами и мозаичными гранями, существовавшее в далеком детстве Куджена. Куджена ничуть не волновали люди, в особенности те, которые не могли угнаться за ним в области вроде теории чисел – а таких в гекзархате было исчезающе малое количество, и текущий кандидат входила в их число, – но архитектуру он любил, а также двигатели и механизмы империи.

Микодез снова посмотрел на портрет кандидатки и нахмурился. Он хорошо изучил ее психологический профиль. Один из его агентов отметил ее выдающиеся математические способности еще когда она была лейтенантом, и они за ней следили, надеясь, что она не даст себя застрелить во время какой-нибудь дурацкой миссии, охраняя груз капусты. (К капусте Кел испытывали

идиосинкразию. А вот маринованные пикули любили всей душой.) С точки зрения внешности в ней не было ничего особенного: черноволосая и кареглазая, как большинство жителей гекзархата, с кожей цвета слоновой кости, намного светлее, чем у него. Наделена некоей мрачной привлекательностью, но не такой, чтобы все взгляды устремлялись на нее, когда она входит в комнату, и этот рот... интересно, она вообще улыбается? Наверное, очень редко – только среди друзей или когда надо подбодрить какого-нибудь новобранца. Психопрофиль выделял сильное чувство долга; а вот это Микодезу пригодится.

Сколько еще он сможет морочить голову Куджену? Микодез поразмыслил, не вызвать ли математиков, но, если на их панели связи появится мигающая иконка в виде янтарного глаза, они лишь начнут ворчать, а ему нужно, чтобы они были в хорошем настроении, потому что эту задачку он не в силах решить сам. Кадетом он неплохо справлялся с математикой, но с тех пор прошли десятилетия. И он не стал математиком, не говоря уже о специализации по календарным техникам и об умении осуществлять подобную оценку.

В строгом смысле слова, гекзарх Шуос Микодез был выше Куджена по статусу, поскольку возглавлял более важную фракцию. Но Куджен не просто являлся самым старым гекзархом 864 лет от роду – он еще и, как это ни печально, нес ответственность за доминирование гекзархата. Он изобрел первую модификацию мот-двигателя, благодаря чему и стало возможным быстрое распространение влияния изначального гептархата, а также стал первооткрывателем целой математической области, породившей современную календарную механику. Микодез остро осознавал, что он, откровенно говоря, тривиальный бюрократ, возглавляющий кучку сварливых шпионов, аналитиков и наемных убийц, пусть даже ему удалось кое-чего добиться за последние четыре десятилетия, учитывая тот факт, что обычно срок жизни, отмеренный гекзарху фракции Шуос, измерялся однозначным числом. А вот Куджен, напротив, был незаменим – по крайней мере до тех пор, пока Микодез не подыщет лучший вариант.

Бессмертие Куджена было секретом, который Микодез пока что не мог раскрыть. Дело заключалось не только в возрасте как таковом, хотя никто другой не смог найти разумный метод, позволяющий прожить дольше 140–150 лет. Четыре других гекзарха были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы разгадать секрет Куджена. Первый человек, на котором опробовали существующее устройство бессмертия, сошел с ума. Третий пустился той же дорогой. Куджен, номер два, ничуть не пострадал. Он любил намекать, что знает

способ не сойти с ума, но отказывался поделиться. Как типично.

Если бы Микодезу кто-нибудь задал соответствующий вопрос, он бы ответил, что бессмертие похоже на секс: оно превращает разумных людей в идиотов. Но другие гекзархи ни разу его об этом не спросили. Наверное, думали, что он так же отчаянно нуждается в бессмертии, как и они сами.

Показатели Крепости опять мигнули. Серые щупальца гнили – цвет смерти, пыли и холодного дождя. Микодез нахмурился, а потом напечатал запрос. Кое-какой анализ он может провести и сам. Тотчас же появились цифры. Самые проблематичные элементы матриц мигали. Их было очень много.

Рахал, которые обычно следили за тем, чтобы календарь функционировал как положено, приняли собственные контрмеры; однако их не хватило, чтобы справиться с ересью такого масштаба. Придется пустить в ход военную мощь, пусть даже все (кроме Кел) желали иного.

Микодез опять посмотрел на пустомот и послал запрос помощнику. Может, что-нибудь изменилось за последние шестнадцать минут. Если нет, он всё равно поговорит с Кудженом и проверит, получится ли заморочить ему голову с помощью обычных уловок и трюков, протянув еще хоть несколько драгоценных минут. Скорее всего, не получится – ведь Куджен его отлично знает, – но попробовать всё равно стоит.

От помощника, Шуос Зехуна, пришел необычно прямолинейный ответ: «Хватит колебаться, Микодез. Она в здравом уме и подходит нам». К сообщению прилагались оценки математиков. Они пришли к единодушному мнению, что кандидатка и впрямь весьма хороша – по крайней мере, в этой конкретной области.

Что ж, ладно.

– Линия 1-1, – сказал Микодез. – Включайте мне Куджена.

Видео разместилось справа от набора параметров, которые позволяли Микодезу следить за тем, насколько ухудшалось положение с календарной ересью в Запутанной марке, и сопоставлять это с данными по зоне в непосредственной близи от Крепости. Пока что совокупные цифры выглядели устойчивыми, но

маловероятно, что они такими и останутся.

Появилось изображение мужчины – стройного, темноволосого и очень бледного, с великолепными порочными глазами. Пускай Нирай Куджен возглавлял техническую, а не культурную фракцию, из него мог бы получиться подлинный Андан: он всегда оставался как минимум красив. Прямо сейчас на нем был дымчатый шарф с радужными полосками, а черная с серым рубашка застегивалась на перламутровые пуговицы в форме листочков. Куджен, видимо, тратил на свой гардероб столько же, сколько на целый научный отдел. Впрочем, он добивался результатов, с этим не поспоришь. Кел должны благодарить его за большую часть своего оружия.

– Рад видеть, что тебя не убили, – сухо сказал Куджен. Философия Шуос гласила, что трон гекзарха может занять кто угодно, главное – суметь на нем удержаться. Драки за этот самый трон были любимым способом времяпрепровождения у членов фракции. – Будь ты каким-нибудь другим Шуосом, я бы заявил, что вместо ответа на мой звонок ты отправился кого-то застрелить, соблазнить или шпионил за ним, но тебя, не сомневаюсь, просто завалило горой бумаг.

Микодез пожал плечами. Обычно они соглашались друг с другом относительно того, насколько важна действенная бюрократия.

– Мне без разницы, каких кандидатов ты уже спугнул, – сказал он Куджену. – Есть кое-кто получше. – И переслал файл.

На этот раз, взглянув на фото кандидата, капитана Кел Черис, Микодез задержал взгляд на ее сигнификате, который был изображен под портретом: Пепельный ястреб, крылья в футляре. Хороший знак, предполагающий стабильность, хотя у Кел имелось в его отношении неразумное предубеждение. Куджен тоже не оценил бы такое, но социопату и не положено ценить здравомыслие.

– Знаешь, – начал Куджен, – я бы хотел, чтобы Кел разработали более надежные батареи тактической выучки. Я позволю Джедао вычислить, как... перфоратор мне в зад, это что такое? Кел с достойным уровнем математических знаний?!

– Тебя послушать, так выбор нужного Кел – такая морока, – сказал Микодез. – Вот я и решил предоставить тебе кого-то более-менее в твоём вкусе.

Черис не просто хорошо разбиралась в математике. Вероятно, она могла соперничать с самим Кудженом, хотя было трудно сказать наверняка, учитывая тот факт, что она не посвятила себя математическим исследованиям. Что не менее важно, она была достаточно хороша, чтобы компенсировать недостатки Джедао – их оружия – в этой самой области.

– Да где же ты её разыскал? Нет, не отвечай. Так очаровательно – где-то есть Кел, который кое-что смыслит в высшей математике. Жаль, что я не могу наорать на вербовщиков Кел за то, что они не послали её ко мне.

– Надо отдать им должное, – заметил Микодез, – они попытались направить её к Нирай, но она настояла, что хочет сделаться Кел. Она была достаточно привлекательна в качестве кандидата на офицерский пост, и они поддались.

Что-то мелькнуло на краю его поля зрения. Куджен нахмурился и сказал:

– Погляди-ка на комбинированные индексы показателей Крепости, Микодез. Чем бы они там ни занимались, это ударило по всем округам одновременно. Надо же, как нам повезло – столкнулись с умными еретиками вместо обычных тупиц, поэтому надо определиться с кандидатом, который с ними разберётся. Это не так-то просто сделать, когда ты валяешь дурака, избегая меня.

– Я просто хотел сделать правильный выбор, – возразил Микодез.

– Она хороша, – согласился Куджен, – но тот командер с красивыми руками тоже хорош. И не закатывай глаза, я говорю о его квалификации, а не о внешности. Честное слово, Микодез, разве ты не из серьёзных типов? У командера, по крайней мере, есть опыт в космических боях, коим не обладает твой капитан пехоты.

– Я отношусь к ситуации в Крепости очень серьёзно, – заверил Микодез. – Тот факт, что математика – специализация Черис, даст ей больше возможностей, чтобы разобраться с календарным оружием. – Сказав это, он одарил Куджена ленивой улыбкой, не желая слишком явно продемонстрировать свою заинтересованность.

Крепость Рассыпанных Игл располагалась в узловой точке на участке пустого космоса, вблизи от системы Сломанной Ступни. Рахал уже разместили там линзомот, но до той поры, пока сама Крепость охвачена ересью, он мог лишь уменьшать ее воздействие.

Крепость делилась на шесть округов, по одному на каждую фракцию, хотя границы соблюдались не так строго, как в былые дни. Когда-то существовал седьмой округ, в котором главенствовала фракция Лиож. Когда с ересью Лиож было покончено, внутренность Крепости перестроили, чтобы ценой ошеломляющих затрат избавиться от седьмого округа.

Кто бы ни заразил Крепость, гниль поразила все шесть округов одновременно. Степень координации, которая потребовалась для такого, была проблемой сама по себе, однако у Микодеза имелись основания предполагать, что конкретная форма ереси стала результатом того, что еретики воспользовались экспериментом, затеянным гекзархом Рахал Ируджей и фальшивым гекзархом Нирай Файан. Файан должна была руководить Нирай на публике, чтобы Куджен мог в свое удовольствие заниматься научными исследованиями, но Ируджа почти сразу после вступления в должность подкупила ее. Узловая крепость стала безупречным испытательным полигоном для их работы, потому что она представляла собой гекзархат в миниатюре. Чего Микодез не понимал, так это причины, по которой они не воспользовались вместо этого какой-нибудь крепостью поменьше.

А что касается того, почему Ируджа и Файан экспериментировали с календарем, то всё очевидно. Все гекзархи знали, и даже Куджен, которому никто не говорил, мог догадаться. Они нуждались в лучшей форме бессмертия. Обширные исследования утверждали, что при существующем календаре превзойти результат Куджена не получится. Микодез был не прочь спросить его об этом напрямую, но ему полагалось следить за Кудженом по поручению остальных гекзархов. Ирудже не понравилось бы, раскрой он их намерения, пусть даже о них так легко догадаться.

Со своей стороны, Куджен терпел остальных гекзархов, поскольку его бессмертие опиралось на высокий календарь в нынешней форме, а высокий календарь включал не просто цифры и меры времени, но также сопутствующую общественную систему. В этом случае шесть фракций. Если бы Куджен предложил жизнеспособную альтернативу, которая устранила бы конкуренцию,

он бы превратился в реальную угрозу системе. Тот факт, что он еще не расправился со всеми прочими, прозрачно намекал на маловероятность существования такой альтернативы.

В какой-то момент Рахал Ируджа попросит Микодеза устранить Куджена по-настоящему. Микодез уже обзавелся файлами, в которых перечислялись возможные способы это сделать, и обновлял их дважды в месяц (или чаще, когда скучал), хоть и не собирался так поступать без крайней необходимости. Конечно, развлечения Куджена превращали его в досадный источник операционных издержек, но в своей работе он был хорош и представлял собой некую степень стабильности. Разумеется, у Микодеза были планы на случай неизбежного переходного периода после смерти Куджена – просто на всякий случай.

Куджен выслал Микодезу свои предположения относительно календаря еретиков.

– Я отсортировал их по степени вероятности, – сказал Куджен. – Первый вариант – самый плохой, в особенности если они выбрали в качестве центрального целого числа семерку. А я-то думал, никто уже не уделяет внимания прошлому. – Он был одним из двух людей, которые всё еще помнили, какой была жизнь при семи, а не шести фракциях.

– Слишком часто общаешься с Кел, – заметил Микодез, хотя вера в то, что Кел презирали историю, не вполне соответствовала истине. Тем не менее перспектива возрождения Лиож – а с ними и того времени, когда гекзархат был гептархатом, – его и впрямь тревожила. В гептархате Лиож отвечали за философию и этику, и кое-какие свидетельства намекали, что их уничтожили из-за попытки избавиться от поминальных церемоний, которые так обожал Куджен. Микодезу не понравилась мысль о том, что Куджен со всеми его склонностями может проявить к этому делу личный интерес. Кроме того, пусть и сложно было утверждать наверняка в отсутствие данных, но раз уж Лиож потерпели неудачу со своей ересью в первый раз, с чего вдруг здравомыслящим еретикам выбирать их в качестве образца для подражания?

– Унизился до шуток в стиле Кел? – спросил Куджен. Уголок его рта приподнялся.

– Кто-то же должен, – ответил Микодез. Как известно, гекзарх Кел и сама ими не брезговала.

Куджен повозился с чем-то за пределами экрана.

– Как бы там ни было, все те календари совместимы с щитами Крепости. Я порекомендовал Командованию Кел просто рассказать, как вырубить щиты, поскольку тайное всё равно станет явным, но они продолжают сопротивляться.

– Никогда не делись информацией, если в этом нет острой необходимости, – сказал Микодез. Если щиты отключатся, Крепость окажется опасно уязвимой.

– Да, но речь-то о союзниках!

«Союзники» – это было слегка чересчур.

– Им не понравится, если ты такое скажешь, – предупредил Микодез, как будто Куджен в этом нуждался. Впрочем, у Куджена всё равно не было права голоса в военных вопросах, если не считать того факта, что никто другой не мог контролировать особое оружие, которое Командование Кел хотело пустить в ход.

– Я могу держать рот на замке, – раздраженно ответил Куджен. – Ты не скрывал, что наделен обычными предубеждениями Шуосов, но я полагаю, у тебя есть свои причины, чтобы санкционировать эту миссию.

Это была болезненная тема для предводителей фракции Шуос вот уже около четырех веков – ведь Кел забрали у них последнего генерала, пусть даже Шуосы по-прежнему должны были одобрять операции Кел, в которых тот участвовал.

– Как бы там ни было, – проговорил Микодез, выдержав паузу и убедившись, что Куджен не желает больше ничего добавить, – ты так и не сказал, считаешь ли кандидатку приемлемой.

– Тебе ведь нравятся эти крылья-в-футляре, правда? Не боишься, что она уложит Джедао баиньки?

Это было целиком и полностью в характере Куджена – считать стабильную психику скучной.

– Уверен, генерал сделает ее жизнь веселее, – сказал Микодез.

– Пустую трату ресурсов, вот что она нам принесет, – сказал Куджен. – Я всё же думаю, что командер подходит лучше. И я могу применить крылья-в-футляре с большей пользой, если Командованию Кел она не нужна.

Иногда Микодезу приходило в голову, что Куджену пошло бы на пользу, если бы ему кто-то дал по пальцам.

– Не жадничай, – сказал он. – У тебя будет предостаточно времени обсудить с ней последние криптологические гипотезы после того, как с Крепостью разберутся. – И еще вопрос, что ей понравится больше: решать проблему с Крепостью или общаться с гекзархом-социопатом.

– Кайфолом... – проворчал Куджен. – Ты не сдашься, да?

Микодез улыбнулся в ответ.

– Тебе нужны дополнительные средства на тот последний проект с системой подавления сигналов, верно?

– Прибегаешь к открытому подкупу? На тебя это не похоже, – удивился Куджен. – Впрочем, я не жалею.

– Мне скучно, – признался Микодез, – и если я не потрачу эти деньги, кто-то из моих подчиненных направит их на что-то полезное, вроде алгоритмов по установлению угрозы. – Он славился принятием непредсказуемых решений в подобных случаях.

– Ладно, ладно, я завизирую твоё предложение со своей стороны, – заявил Куджен. – Если ты считаешь, что у тебя много канцелярской работы, поглядел бы на мою.

«По-твоему, я не глядел?» – подумал Микодез, но сохранил бесстрастное выражение лица. Системы безопасности Куджена вовсе не были такими современными, как он считал.

– По крайней мере, у меня появился шанс с ней поздороваться, – продолжил Куджен, – пускай даже она будет думать лишь о долге. Иногда я думаю, что мы с Висьясом перестарались, разрабатывая формационный инстинкт, но некоторыми результатами можно только любоваться.

Микодез пожалел бы Кел Черис, но пока что Куджен был не склонен навредить тому, кто мог развлечь его в вопросах, касающихся теории чисел. Кроме того, угроза была реальной. Очень жаль, что она сделалась кандидатом на ликвидацию календарной ереси, но кто-то должен это сделать, и у нее больший шанс на выживание, чем у многих.

– Тогда я всё подготовлю, – решил Микодез. – В зависимости от того, как тесно мне придется работать с Командованием Кел, я предоставлю ее тебе через восемнадцать дней или около того.

– Великолепно, – сказал Куджен. – На будущее, постарайся не избегать меня столь явным образом. Я испытываю неловкость, когда взрослый Шуос ведет себя так банально. – И он отключился, не дожидаясь ответа.

Что ж, стоило оказаться в неловком положении, чтобы убедиться, что на борьбу с календарной ересью пошлют того, кого предпочел он. Микодез потратил несколько минут на составление инструкций Командованию Кел, а потом отослал их.

Кел Черис была в здравом уме, хотя всё указывало на то, что это не навсегда. И всё же Микодез был вынужден обменять ее благополучие на благополучие гекзархата. Может, однажды кто-то придумает лучшее правительство, где промывка мозгов и ритуальные поминальные пытки не будут тривиальной правдой жизни. До той поры он будет делать всё, что в его силах.

Черис провела в молчании всё время, пока они летели обратно к боксмоту, который перевозил пехоту. Боксмот был совершенно обычным: стены выкрашены в мрачный черный и темно-серый, с редкими вычурными

вкраплениями золота. Черис доложила заместителю командера, неулыбчивому мужчине со шрамом над правым глазом. Отсалютовала ему, прижав кулак к плечу, и он отсалютовал в ответ. Она передала сетевой ключ роты, чтобы начальство смогло в свое удовольствие проанализировать данные.

– С возвращением, капитан, – сказал заместитель, и в его взгляде Черис заметила проблеск любопытства.

Это ее встревожило – среди Кел не стоило выделяться, – но, похоже, ответа не требовалось.

Мот-сеть сообщила ей текущую схему транспортного судна и указала, где можно найти кают-компанию для офицеров, ее личную каюту и казармы солдат. На самом деле, прежде чем отправиться в соответствующую кают-компанию, надо было сперва привести себя в порядок. Согласно протоколу, она узнала статус тех, кого забрали в медотсек ввиду ранений. Она подумала о непокорном отряде, который погиб на Драге перед эвакуацией.

Ее каюта располагалась рядом с казармой роты. Ей предоставили две комнатки и ванную. Все ее мышцы ныли, но она разыскала среди личных вещей коробочку, откуда достала вороний камень удачи, подаренный матерью на двадцать третий день рождения. Силуэт ворона на полированной тускло-серой поверхности был приятным напоминанием о доме, который она навещала так редко.

Потом кто-то быстро постучался в ее дверь: три, один, четыре, один, пять ударов...

– Входите, – сказала Черис, удивленная ритуалом. Камень удачи она спрятала.

Вошел один из сервиторов боксмота – птицеформа, – неся букет цветов из анодированной проволоки. Их было двенадцать, по одному на каждого сервитора, который пал при исполнении. Никто не признавал их заслуг официально, но это не причина, чтобы их не вспоминать.

– Спасибо, – сказала Черис птицеформе. – Внизу нам пришлось туго. Жаль, что мне не удалось сделать больше.

Птицеформа выдала череду ироничных золотых и красных вспышек. Черис, которая научилась читать упрощенный универсальный машинный язык, кивнула в ответ. Сервитор прибавил, что у него проблема с одним из зажимных устройств, и не могла бы она уделить минутку, чтобы его отрегулировать?

– Разумеется, – сказала Черис. Она не была техником, но кое-какие ремонтные работы лучше всего выполнять человеческими руками, а основы она изучила. Как выяснилось, пришлось всего лишь чуточку повозиться с плоскогубцами особой конфигурации. Птицеформа удовлетворенно звякнула, словно колокольчик.

– Теперь мне надо вернуться к своим обязанностям, – сказала Черис. – Побеседуем позже?

Птицеформа выразила согласие и удалилась, оставив цветы.

Черис не знала ее имени. Сервиторы были предназначены для удобства людей, но она не сомневалась, что у них имелись собственные имена. Она нарочно не спрашивала об этом.

Она быстро помылась, а униформа в это время очистилась сама. Последние морщины на ткани разгладились, когда Черис взяла ее.

– Средняя официальная, – велела она ткани, и это не очень отличалось от боевой, за исключением манжет и яркости золотой отделки.

У Черис оставалось четырнадцать минут до того, как ей следовало появиться в кают-компании и разделить с ротой общинную чашу, празднуя их возвращение живыми. Незапланированное время было куда более ценным сокровищем, чем возможность искупаться. Черис в одиночестве опустила на стул и положила руки на стол, наслаждаясь холодным и твердым стеклянным деревом. Взглянув вниз, она могла бы увидеть свое темноглазое отражение, пересеченное завитками и вихрями, похожими на странствующие галактики.

Ее сосредоточенность нарушила тепловая пульсация в руке. Ей велели явиться к защищенному терминалу для получения приказов. Формальная завершающая фраза указывала, что Черис имеет дело с кем-то из высокого начальства. В бою использовали сокращенные завершения. Она не могла и представить себе

связанный с ее ротой вопрос, который мог оказаться срочным сейчас, когда сопротивление Угрей сломлено.

У Черис возникло предчувствие, что она не разделит эту трапезу со своими солдатами, но с этим ничего нельзя было поделать. Приказы превыше всего.

Терминал стоял в дальнем углу выделенной ей каюты. Он выглядел как утопленная в стене металлическая плита, матово-черная. На полу перед терминалом была выгравирована эмблема гекзархата: колесо с шестью спицами. Каждую спицу венчала эмблема фракции, каждой высокой фракции соответствовала низшая: девятихвостый лис Шуос с колышущимися хвостами, на каждом из которых был глаз без век, и полыхающий пепельный ястреб Кел; ножевая роза Андан и электрический скат Видона; волк-предсказатель Рахал и пустомот Нирай, усеянный звездами.

Она велела униформе принять полный официальный облик. Пепельный ястреб сделался ярче и изогнул шею – «чистит перышки», шутили Кел; изысканные бирюзовые и фиолетовые переливы придали ткани глубину. Манжеты и воротник удлинились и приобрели парчовую текстуру. Перчатки остались такими же, простыми и практичными. Кел носили более замысловатые перчатки только на похоронах.

– Капитан Кел Черис по вашему приказанию прибыла, – сказала она.

На терминале появился ее сигнификат, вокруг силуэта пепельного ястреба нарисовались красно-золотистые языки пламени. В отличие от эмблемы на мундире, пепельный ястреб на сигнификате был в конфигурации крылья-в-футляре.

Черис не уделяла сигнификату слишком много внимания, хотя в ее случае он указывал на природную склонность к тщательному планированию. Впрочем, имелись исторические примеры вопиюще неверных сигнификатов. В любом случае они были приблизительными, а не пророческими оценками.

Архипредатель и безумец Шуос Джедао являлся как Девятихвостый лис, коронованный очами, визионер и стратег, но на самом деле оказался Жертвенным лисом. Последний гептарх Лиж, который до самого конца был Паутиной миров, единством из единств, умер, не выдержав давления войск Шуос, Кел и Рахал.

Она уже подумывала принести извинения и попытаться выйти на связь позже, как вдруг сигнификат на терминале рассыпался и превратился в ее собственное лицо: те же темные волосы, те же темные глаза. Но улыбка была чужой, и незнакомка носила распахнутые пламенеющие крылья верховного генерала, в то время как Черис – капитанский коготь с каплей крови на конце.

– Капитан, – сказала существо ее голосом. – Это Подкомандующий композит[4 - Коллективный разум.] номер два, Командование Кел. Подтвердите.

Черис вспотела. Композиты менялись от задания к заданию. Не было никакой возможности узнать, с каким верховным генералом она имеет дело или сколько из них объединили свои разумы в нечто большее. Но «номер два» указывал, что в составе композита есть как минимум один генерал самого высокого ранга. Дурной знак. Она выполнила положенный салют, не слишком быстро и не слишком медленно.

– Теперь вы понимаете, – сказал Подкомандующий номер два, как будто возвращаясь к прерванному разговору, который они начали прошлым вечером за бокалом вина, – что порученная вам миссия была ужасной. По правде говоря, это пустая трата хороших офицеров.

– Я знаю свои клятвы, сэр, – проговорила Черис, тщательно выверяя осторожность. Кел не любили осторожных – об этом инструкторы напоминали ей не один раз.

Подкомандующий номер два никак не отреагировал, что было лучшим ответом, на который она могла надеяться.

– Вот контекст, которого вам не дали, когда послали на Драгу. Вы вычислили, что Угри построили оружие, чья работоспособность основана на календарной ереси. Не отрицайте. Ваши действия против еретиков указывают, что вы понимали ситуацию.

Черис проговорила так ровно, как только могла:

– Я готова к обработке.

Это была не та судьба, которой желали Кел. Она происходила из семьи, где не было традиций службы Кел или какой-то другой фракции. Невзирая на противодействие родителей, она выдержала испытания и была принята в Академию Кел. Она сделала службу целью своей жизни, и было горько думать о том, что всё закончится. И всё же, подходящая судьба для Кел: яркий взлет, внезапная смерть.

Многие знали, что у пепельного ястреба есть другое имя: ястреб-самоубийца.

Подкомандующий номер два сказал:

– В самом деле большинство ваших солдат подвергнутся обработке в соответствии с Доктриной. Но поступать так же с вами было бы напрасной тратой вашего таланта к импровизации.

Черис не хуже других Кел распознавала эвфемизмы. Они приготовили для нее участь похуже и собирались распусть роту. И всё-таки она испытала робкое облегчение. Они бы не тратили время на этот разговор, если бы не замыслили какое-то задание – а совершенно невыполнимых заданий не так уж много.

– Правда в том, что ситуация хуже, чем горстка Угрей на периферийных системах, – сказал Подкомандующий номер два. – Календарная ересь закрепилась не только на Драге, но и в нескольких центральных марках гекзархата. Непозволительно, чтобы она продолжала существовать.

– Сэр, – проговорила Черис, – разве это задание для Кел, а не для Шуоса?

Рахал занимались Доктриной и отправлением правосудия, но редко вмешивались в усмирение масштабных бунтов; Видона разбирались с последствиями, но никто бы не доверил им подавление ереси в зародыше. Шуосы и Кел в совокупности считались мечом гекзархата, но Кел занимались быстрым реагированием и краткосрочными целями, в то время как Шуосы посвятили себя сбору информации и долгосрочным планам. Ни один Кел не любил лисьи игры, но каждому методу – свое место и время.

На миг отражение дрогнуло, и она увидела янтарный взгляд из-под золотых крыльев: пронизательные глаза девятихвостого лиса. Тогда-то Черис и поняла, что в композит входит Шуос – скорее всего, посланец самого гекзарха. Ее

немедленно охватило смятение. Командование Кел не разрешило бы кому-то из Шуосов подглядывать, если не случился настоящий кризис.

– Я слушаю, сэр, – сказала Черис.

– Шесть офицеров соревнуются за право разобраться с ересью в Крепости Рассыпанных Игл и ее окрестностях, – сказал композит. – Шуосы обратились с запросом назначить их представителя – седьмую фигуру, паутинную. – Двойник Черис на миг оскалил зубы в ухмылке. – Вас.

Сперва Черис подумала, что ослышалась. Высокий календарь проецировался по всему гекзархату посредством сети узловых крепостей, и Рассыпанные Иглы была самой знаменитой из них. Как же такое могло случиться?.. И почему Шуос пожелали сделать своей паутинной фигурой ее, а не кого-то другого?

В былые дни гептархата правительственные обязанности были возложены на фракцию Лиож. В учебной игре Шуосов, созданной после падения Лиож, паутинную фигуру называли в честь их эмблемы – зеркальной паутины. Черис играла лишь однажды, но помнила основные правила. Игроки делились на несколько марок, и каждая вела свою игру. Некоторые действия давали значительное преимущество, но вместе с тем вынуждали стрелки еретических часов потихоньку двигаться. По мере того как менялось положение, правила игры становились другими. Паутинная фигура взаимодействовала с еретическими часами и представляла собой оружие, которое спасало – и одновременно отравляло самые принципы бытия.

– Я буду служить, сэр, – сказала Черис. Что ж, если можно стать паутинной фигурой в игре и выжить, она попробует.

Это что такое – еще один проблеск немигающего лисьего взгляда?

– Знаете, что сказал ваш главный экзаменатор, прежде чем допустить вас к службе? – поинтересовался Подкомандующий номер два.

– Насколько я припоминаю, сэр, – тихо проговорила Черис, – в том году я попала в шесть процентов лучших выпускников Академии.

– Он отметил ваш консерватизм и удивился, что могло привести вас во фракцию, где полным-полно людей, которые рискуют жизнью, выполняя приказы. Должны ли мы интерпретировать вашу продолжающуюся службу как свидетельство того, что у вас всё же душа Кел?

– Я буду служить, сэ, – повторила Черис.

Подкомандующий номер два мог бы потребовать более внятного ответа, но не стал. Двойник Черис снова улыбнулся – на этот раз с удовлетворенной безмятежностью лисы – и исчез.

Чтобы выиграть в игре, нужно быть в курсе ситуации или знать расклад сил. Черис уже разобралась в своем положении. Предложить она могла немного – всего-то свою единственную жизнь, – и в случае неудачи ее поджидала какая-нибудь ужасная смерть; и всё же в какой-то момент надо просто довериться собственному чутью.

Убедившись, что совещание закончено, Черис уставилась на свое отражение в терминале. Оно по-прежнему демонстрировало пепельного ястреба, крылья-в-футляре. В юности Черис надеялась, что сигнификат изменится и позволит ей узнать что-то новое о самой себе, но сегодня, как всегда, ничего нового в этом смысле не произошло.

Надо отправиться к солдатам и сообщить им новости. Вспомнив о долге, она подала очень сжатый рапорт и завершила форму с указанием понесенных потерь, поморщившись от цифр. Она надеялась, что удастся навестить раненых в медотсеке, но теперь это было маловероятно.

– Средняя официальная, – велела она униформе, и та подчинилась. Руки Черис вспотели внутри перчаток.

Она вышла из каюты в коридор, где было тихо и почти холодно; легкий изгиб с каждым шагом делался всё более крутым. Изгиб был отчасти иллюзией, топологическим трюком, позволяющим пустомоту вместить побольше пассажиров, но она всё равно воспринимала его как нечто совершенно реальное.

За первым же витком коридора располагалась кают-компания, где пехотинцы Кел ели отдельно от обычного экипажа мота. Прямо у дверей висела картина на

текстурированной бумаге: королева птиц устроила прием в лесу, занесенном снегом, и рядом с нею пряталась лиса, оскалив зубы в усмешке от уха до уха.

Когда Черис вошла в выделенную им кают-компанию, то оказалось, что та не так полна, как следовало бы. Другие кают-компании, для рот, которые не выжили, останутся пустыми. Сервиторы накрыли на стол, чтобы малочисленность солдат не бросалась в глаза. Некоторые из них летали туда-сюда, поспешно заканчивая приготовления: пепельный ястреб, светло горящий, распростер крылья на стене; под ним отображался каллиграфический девиз «Из всякой искры – пламя», который повсюду сопровождал Кел; висели гобелены, сплетенные из волокон униформы погибших солдат, с их вышитыми именами, а также датами боев и названиями тех мест, где герои отдали свою жизнь.

Когда она вошла, все до единого встали, и зал огласился позвякиванием отложенных приборов и палочек для еды. Черис замерла в ответ и улыбнулась глазами. лейтенант Вераб был, как всегда, мрачен, но Анкат невесело усмехнулся. Несомненно, он готов рассказать за офицерским столом какой-нибудь новый анекдот в стиле Кел. Репертуар у него был получше всех, с кем выпало встретиться Черис. Потом она направилась к своему месту в центре офицерского стола и знаком велела им садиться.

Ее ждала общинная чаша. Красная, лакированная, с выгравированными кленовыми листьями – и кто-то наполнил ее почти до краев. Вераб, сидящий справа от Черис, передал ей чашу. Он выглядел очень усталым, и она безмолвно изогнула бровь. Он чуть пожал плечами: ничего серьезного. Черис не подала виду, что это была ложь. Она и сама ощущала усталость, зная новость, которую придется сообщить ему и остальной роте. Придав лицу спокойное выражение, она сделала глоток. Вода была сладкой и прохладной, но Черис подумала: жаль, что не горькая.

Перед нею стояла миска риса, а на общих блюдах был знакомый набор: рыба, обжаренная в рисовой муке и яйце с листьями шалфея, маринованные сливы, яйца перепелов с кунжутной солью. Для нее приберегли немного свежих фруктов. Вераб был в курсе ее любви к мандаринам, хоть они и бывали роскошью; кроме того, сам он был к ним равнодушен. Она посмотрела на еду и подумала о всех трапезах, которые разделила с этими людьми, о всех моментах, когда, измученная битвой, понимала, что скоро будет сидеть с ними за одним столом, есть одинаковую еду и слушать шутки Кел, которые ничуть не обижали, пусть даже иной раз она сама становилась их объектом, и утешится голосами

тех, кто выжил. И всё это должно было закончиться.

– У меня плохие новости, – сказала Черис. – Нашу роту распускают.

Они уставились на нее, даже Вераб, которому следовало бы догадаться.

– Доктрина, – сказал он внезапно охрипшим голосом. Вераб – Кел в пятом поколении. Его семья воспримет это тяжело.

– Кто-то из вас сможет служить снова, – сказала Черис, понимая недостаточность собственных слов, – но это зависит от оценки должностных лиц. Простите. У меня нет подробностей.

– Непруха – обычное дело для Кел, – сказал лейтенант Анкат. Он собирался обратить собственный беспримесный страх в шутку, и Черис это поняла. Она пристально посмотрела на лейтенанта, и он проглотил свои слова.

– Это долг, – сказала Черис, и слово показалось ей пустым звуком. – Я с вами не пойду. Для меня у них другие планы.

Вдоль стола прокатился шепот и быстро затих. Они тоже знали толк в эвфемизмах.

Будущее было безрадостным. Большинство из них утратят традиции Кел и формационный инстинкт. Может, не забудут девизы и формации, но первые больше не будут успокаивать, а вторые потеряют силу.

– Что ж, сэр, удачи там, куда вы направляетесь, – сказал Анкат, и Вераб что-то пробормотал в знак согласия. Он не верил, что это случилось на самом деле. Она всё понимала по его потрясенному взгляду.

– Хочу услышать ваши имена и сроки службы, – тихо сказала она. Так всё станет реальным, и церемония поможет им взять себя в руки, пусть и не утешит. – Хочу услышать каждого. Подтвердите.

– Сэр, – ответили они хором. Анкат посмотрел на свои руки, потом снова на нее.

Это была не официальная перекличка. Не было ни барабанного боя, ни пламени, ни флейт. Она могла бы всё это добавить по желанию. Но ее услышали даже сервиторы. Они прекратили свои дела и приняли позы слушателей. Она кивнула им.

Они начали с самого младшего рядового – теперь, когда Дезкен погиб, им был Кел Ниррио, – и продолжили, поднимаясь по иерархической лестнице. Никто не ел, пока звучал перечень. Черис была голодна, но голод мог подождать. Не нужно было запоминать имена – она это сделала давным-давно, – но она хотела убедиться, что запомнит каждое сосредоточенное лицо, каждый грубый голос, и эти воспоминания будут согревать ее в грядущие дни.

Как и положено, она произнесла свое имя последней. Кают-компания погрузилась в молчание. А потом, нарушая ритуал, Черис сказала:

– Спасибо. Я желаю вам всем удачи.

Она их покидала, в глубине души ощущая проблеск нетерпения в преддверии того, что ей предстояло, и угрызения совести из-за этого нетерпения; но демонстрировать эти чувства не стоило.

– Поешьте, сэр, – проговорил Анкат, и она принялась за еду – не слишком быстро, но и не слишком медленно, не забыв доесть два мандарина, которые отложил для нее Вераб.

Глава третья

Черис надеялась на более конкретные приказы, но ей не повезло. Спала она плохо и проснулась в середине ночи, за четыре часа и шестьдесят две минуты до обычного времени подъема. В комнате, озаренной единственной свечной лозой, было темно.

«Горящий лист» перестроился и обрел новую конфигурацию. Что еще более важно, сообщение на терминале уведомило Черис, что ее уже отделили от роты. Она хотела бы встретить это событие в состоянии бодрствования, но, конечно

же, всё нарочно устроили именно так. Если кто-то обладал хоть намеком на милосердие, ее солдатам разрешат отдохнуть, прежде чем потащат на осмотр в соответствии с Доктриной, а тем, кто всё еще нуждается в медицинском уходе, позволят его получить, прежде чем их постигнет та же участь.

Замерев у стола, Черис заметила вновь прибывшего: в дверном проеме стоял сервитор. Он не постучал, и она его раньше не видела.

- Привет, - сказала Черис, вопросительно глядя на существо.

Это была лисоформа, а не привычные для мота пауко- и птицеформы. У нее были фасеточные стеклянные глаза, светящиеся желтым. Сервитор Шуосов. Ну разумеется.

Сервитор не ответил. Сервиторы Кел никогда не говорили на человеческих языках, а сервиторы Шуос такое делали редко, хотя сервиторы Андан и Видона обычно могли, если хотели. Лисоформа протрусилась в каюту, двигаясь вороватыми зигзагами. Потом поднялась в воздух и в конце концов оказалась наравне с поверхностью стола Черис.

Сервитор вытащил из бокового отделения рулон ткани. Ткань была обвязана тонкой цепочкой, которую Черис могла бы разорвать руками. Вместо этого, пробормотав благодарность, она повертела рулон, пока не нашла застёжки.

Это была не просто ткань. Это была игровая «доска», расшитая квадратной сеткой из разноцветного шелка. Весь контур поблескивал от бисеринок бронзового и ярко-оранжевого цветов. Она прошлась пальцем по бусинкам, с удовольствием ощущая их неровную текстуру.

Самой примечательной вещью в тканой игровой доске было то, что она представляла собой скорее запись игры, чем поверхность для одной. Фигуры были вышиты на пересечении линий, запечатлевая незаконченную партию. Взгляд Черис немедленно метнулся к паутиной фигуре в центре, и она криво улыбнулась.

Единственный раз, когда она участвовала в такой игре, был против миленькой девушки-техника по устройствам связи, с которой Черис встречалась. Ее звали Шуос Алайя. Черис вспомнила ироничный смех Алайи и рассказы о том, как она

росла в неблагополучном шахтерском поселке. У них были одинаковые предпочтения в области драм (нелепые мелодрамы, чем больше дуэлей – тем лучше). У Алайи были светло-карие глаза, кожа на полтона темнее и руки, которые всё время двигались. Нервный тик у Шуосов обычно был признаком несчастного случая во время учебы, но Черис не задавала вопросов. Но какой-то Шуос повыше рангом наверняка внес их отношения в свой отчет.

Черис поразмыслила над расположением игровых башен и единственной оставшейся пушки. У нее была хорошая память, но не эйдетическая[5 - Эйдетическая память – способность запоминать в мельчайших подробностях образ предмета или явления.], и, находясь в увольнении, она не хранила воспоминания в своей доле ротной сети. Это могло быть воспроизведение той самой партии – она на этом этапе проигрывала, после потери пушки было трудно оправиться, – но если кто-то внес некие коррективы, некое тайное послание, Черис не могла его разгадать.

Жаль, что Шуосы не могли сказать ей напрямую, чего хотели, но ни один Шуос не устоял бы перед возможностью использовать игру в качестве педагогического инструмента. (Стоило признать, в постели это было забавно, что Алайя и доказывала с радостью.)

Она взяла тканую игровую доску со стола и изучила обе стороны, гадая, что же упускает из вида. Ага, вот оно: на задней стороне пустого квадрата была закреплена гибкая и плоская фигура в виде шестеренки.

Сервитор ободряюще кивнул. Черис помедлила, потом вытащила шестеренку. Она почувствовала болезненную тепловую пульсацию в предплечье. Видимо, в шестеренке было какое-то послание. Ее перчатки на миг потеплели, потом сделались холодными.

В ее разуме развернулась карта. Ощущение было такое, словно она могла прощупать запутанные маршруты пустомотов и почувствовать жар рассеянных в глубинах космоса звезд. Карта обозначила для нее Крепость Рассыпанных Игл – впрочем, зря. Это была самая большая узловая крепость в Запутанной марке, представляющая собой гекзархат-микрокосм.

Одна из функций Крепости заключалась в том, чтобы проецировать календарную стабильность на весь регион. Если она подверглась календарной

гнили, от экзотического оружия гекзархата там будет мало толка. Гекзархат отставал в плане инвариантной технологии, которую можно было использовать при любом календарном режиме. Что всего важнее, вблизи от гнили основные звездные двигатели пустомотов перестанут работать. Без пустомотов, соединяющих миры гекзархата, государство развалится.

Если еретики перевели Крепость на собственную календарную систему, проблема становилась критической. Гекзархату придется столкнуться с соперничающей силой в самом сердце одной из своих богатейших систем.

Учитывая тяжесть ситуации, Черис была удивлена тем, что Командование Кел до сих пор не направило какого-нибудь генерала, чтобы он во всем разобрался. Наверное, не хотели подвергать кого-то в генеральском чине риску заражения.

Черис сообщили очень скудные сведения о других шестерых, желающих удостоиться чести подавить этот бунт. Никаких имен; она подозревала, что не увидит их лиц, как и они не увидят ее лица. Она была удивлена, что в таком важном вопросе вдруг возникло подобие конкурса. Разве они не должны были просто выбрать кого-то, не превращая всё в игру? Впрочем, решать не ей, и она напомнила себе о печально известной любви фракции Шуос к играм, а также о глазе Шуос, который пялился на нее из композита.

Все Кел, не считая Черис, были офицерами высокого ранга, хоть и не генералами. Может быть, они дискредитировали себя, как и она. Неудивительно, что все они имели опыт космических боев, не считая Номера Четыре и Черис.

Один был подполковником, как предположила Черис, с выдающимся послужным списком. Было трудно разобраться, поскольку все наименования вымарали, но она увидела пять медалей, включая «Красный погребальный костер», который присуждали, как говорили Кел, «за отвагу, самоубийственную даже по нашим меркам».

Номер Два, Рахал, офицер Доктрины. Идея о том, чтобы предоставить Рахал прямой контроль над миссией, встревожила Черис. Рахал были высшей фракцией, которая возглавляла гекзархат: они устанавливали Доктрину и поддерживали высокий календарь. Гибкость была им не свойственна, однако участие Номера Два в происходящем указывало на некую минимальную готовность мириться со слабостями Кел.

Был еще один подполковник, но ничто в послужном списке – во всяком случае, ничто из того, что смогла увидеть Черис, – его никоим образом не выделяло.

Номер Четыре был полковником пехоты с впечатляющей коллекцией наград. Черис готова была держать пари, что с этим конкурентом будет трудно справиться. Логично: удачно-неудачная четверка, число смерти и любимое число Кел.

Номер Пять встревожил ее больше остальных: агент фракции Шуос. Шуосы обычно держали рот на замке относительно послужных списков. Если их человек уже в этом участвовал, чего они добивались, спасая какую-то Кел от обработки? Она не обязана хранить Шуос большую верность, чем гекзархату в целом. Неужели они так хорошо ее знали, что предусмотрели развитие событий, при котором она сыграет какую-то роль без подсказок? Она знала ответ на этот вопрос...

Номер Шесть был третьим подполковником, который выглядел совершенно обыкновенным и принимал участие в трех осадах. Черис напонила себе, что ее могут переиграть, но они, вероятно, участвуют в этом состязании по той же причине, что и она – то есть с тем же успехом навлекли на себя неприятности с Доктриной.

– Я не думаю, – сказала Черис, – что тебе известно, какие ресурсы я имею право включить в свое предложение? – Привлекательным, но шаблонным в духе Кел поступком было предложить сбросить на Крепость все имеющиеся бомбы и поглядеть, не вырубятся ли щиты. Впрочем, разве Кел когда-нибудь избегали шаблонов?

Сервитор удивил ее, заговорив, пусть и вспышками света на барабанном коде Кел.

– Разрешается любой план, если сумеете убедить Командование Кел в необходимости его принять, – сказала лисоформа, и это была в каком-то смысле тавтология.

– Есть ли дополнительные разведданные по Запутанной марке?

Сервитор промолчал. Видимо, доступ ограничен.

Что ж, попытаться стоило.

- Время собрания уже назначено? – спросила Черис.

- Приблизительно через три часа.

- Приблизительно?! – недоверчиво переспросила она.

Сервитор пожал плечами.

- Ладно, – сказала Черис. – Что-нибудь еще?

Еще одно пожатие плечами.

Черис скатала тканевую игровую доску и застегнула цепочку, но когда она повернулась, чтобы отдать ее сервитору, тот уже исчез – дверь как раз закрывалась у него за спиной.

«Приблизительно через три часа» – это по-прежнему раньше ее обычного времени подъема. Стоило поразмыслить над ситуацией, а не спать, но Черис устала, и ей был нужен отдых.

Поскольку не было смысла возвращаться в постель, она положила игровую доску на угол стола и, нахмутив брови, уставилась на стену. «Разрешается любой план, если сумеете убедить Командование Кел в необходимости его принять». Стоит предположить, что остальным сказали то же самое. Одно дело – понимать, что военная мощь Кел теоретически доступна тебе. Другое дело – придумать план, у которого есть шанс получить одобрение. У Кел было шесть пепломотов, самых могучих военных мотов, которые также могли проецировать календарную стабильность. Она могла бы предложить послать их всех к Крепости и попытаться счастья, но так остальной гекзархат останется беззащитным, и потому никто не воспримет ее всерьез. Ее будущее зависело от того, воспримут ли ее всерьез. Даже не будь Черис озабочена собственным будущим – а всё обстояло как раз наоборот, – она была обязана предложить лучший план, ради гекзархата как такового.

Черис посмотрела на свои руки и вынудила себя расслабиться. Командование Кел должно искать самое быстрое и самое экономичное решение. Значит, речь идет об использовании оружия, которое запрещено в обычных условиях.

То есть об Арсенале Кел. Пушки катастроф, фильтры аннуляции, маленькие блестящие коробочки, внутри которых – смерть миров. Во время выпускной церемонии в Академии Кел она видела такую коробочку – обезвреженную, с вмятинами, обычную. Оратор заявил, что она уничтожила население трех планет. Небольших планет, но всё же. Просто удивительно, сколько смертоносной мощи можно запихнуть в маленькую коробку.

У Черис не было инвентарной ведомости Арсенала и она понимала, что не стоит о таком просить. Сколько блестящих коробочек ей позволено потребовать? Впрочем, гекзархам не нужна зачистка, иначе они бы и сами ее уже устроили. Они желали и дальше владеть Крепостью Рассыпанных Игл.

Какие детали важнее прочих для Командования Кел? Если вопрос заключался всего лишь в том, чтобы закидать еретиков бомбами и принудить к покорности, всё упиралось в оптимизацию. Затраты, расчет боеприпасов, приемлемый уровень потерь.

Она опять посмотрела на игровую ткань. Паутиная фигура. Отравляющая принципы. Что же Шуосы пытались ей сообщить?..

– Ну конечно, – прошептала Черис. Ей сообщали: выбери свое поле боя. Она могла ожидать шаблонных предложений от некоторых Кел. Нельзя предсказать, что придумает Шуос, но Рахал с большой вероятностью посоветует что-то элегантное и резкое.

Если Крепость Рассыпанных Игл пала, понадобится способ взломать ее легендарную защиту, щиты из инвариантного льда. Щиты действовали при любом календарном режиме, то есть еретики могли использовать их против гекзархата. Черис не знала ни принципов, на которых основывалась работа щитов – засекреченная информация, – ни того, как с ними справиться.

Однако она вспомнила о генерале, который одолел другую ужасную крепость. Если, конечно, слово «одолел» подходило. Триста девяносто девять лет назад генерал Шуос Джедао был на службе у Кел. Поскольку он обладал репутацией

того, кто выигрывает битвы, которые невозможно выиграть, ему поручили справиться с восстанием Фонарщиков.

В пяти битвах Джедао разбил бунтовщиков. В первой, у Свечной арки, враги превосходили его числом в соотношении восемь к одному. Во второй всё было иначе. Главарь бунтовщиков удрал в Крепость Адского Веретена, которую охраняли хищные массивы и облака коррозионной пыли, но гептархи ожидали, что Джедао захватит ее без особых трудностей.

Вместо этого Джедао пустил весь свой флот по спирали вокруг Крепости и включил первые пороговые отделители, с той поры известные благодаря своей смертоносности. Фонарщиков и Кел постигла одинаковая участь – они утонули в мощном потоке трупного света.

На командном моте Джедао вытащил обычный пистолет, «Паттернер?52», и перебил свой штаб. Они были отличными офицерами, но он их превзошел. По крайней мере, на тот момент.

Операция по зачистке, которую пришлось предпринять после ареста Джедао, стоила гептархату состояния, на которое можно было бы купить целые системы и множество жизней.

У Адского Веретена погибло больше миллиона людей. Выжили считанные сотни.

Командование Кел предпочло сохранить Джедао на будущее. Историки говорили, он не сопротивлялся аресту: когда его нашли, он выковыривал пули из мертвецов и выкладывал узоры. Так что Командование Кел поместило Джедао в «черную колыбель», превратив его в своего бессмертного пленника.

Наилучший ход Черис – а также отчаянный маневр – был не в том, чтобы выбрать оружие или армию. Любой бы подумал об оружии или армиях. Ее наилучший ход – выбрать генерала.

Проблема заключалась в том, что любая армада, которую пошлют против Крепости, столкнется с тем фактом, что ее экзотические орудия перестанут действовать как полагается. Черис не нужна артиллерия; ей нужен тот, кто сможет решить эту задачу. И это указывало на единственного немертвого генерала в Арсенале Кел, безумца, который спал в «черной колыбели», пока

технари Нирай не разберутся, что спровоцировало его безумие и как его исцелить. Шуос Джедао, Жертвенный лис: гений, архипредатель и виновник массового убийства.

Черис понимала, что Командование Кел с большой вероятностью отклонит такое предложение. Также не исключено, что Джедао окажется бесполезным для нее. Но Командование Кел не сохранило бы его, если бы не рассчитывало воспользоваться ради собственного блага.

Кроме того, Командование Кел ценило отвагу. Несмотря на бестолковое сражение на Драге, их одобрение многое для нее значило. Обучение Кел вживляло рефлекторную преданность. Она знала об этом не хуже других.

Она наполовину ожидала увидеть в своей тени пепельного ястреба, чьи крылья наконец-то освободились от футляра. Но в тот момент ее тень оставалась всего лишь тенью. Что ж, лучше так.

Еще одно сообщение уведомило Черис о приближении собрания и велело явиться в зал стратегических обсуждений. Черис попыталась извлечь из мот-сети информацию о Крепости Рассыпанных Игл, но обнаружила всего лишь обычные незасекреченные данные. Ничего по инвариантному льду. Наверное, она привлекала к себе излишнее внимание, посылая такие запросы, но, с учетом ситуации, это было неважно. Она заранее наметила путь к залу стратегических обсуждений.

Черис появилась на шесть минут раньше назначенного времени. В зал вели несколько дверей, на всех изображался Пепельный ястреб, светло горящий. Она передала код со своего аугмента, и одна дверь со свистом открылась.

Как она и ожидала, зал был пуст. Никто из шестерых не будет присутствовать лично. Интересно, подумала Черис, а лица ей покажут – или только сигнификаты? Если уж не сообщили их имен, нет смысла открывать лица – но, возможно, их сотрут из ее памяти, как только она покинет помещение.

Композит, Подкомандующий номер два, вспыхнул, точно погребальный костер, ровно за минуту до начала. Он пружинистым шагом пересек зал и оказался лицом к лицу с Черис. Она подавила отвращение. Двойник, который столь небрежно носил генеральские крылья, лишал присутствия духа – и, наверное,

так было задумано.

– Полагаю, вам лучше сесть вон там, – сказал Подкомандующий номер два, указывая на конец длинного стола.

Пока Черис усаживалась, прибыли остальные. Они действительно были представлены сигнификатами. Соответственно, каждый из них видел Черис как силуэт, над которым нависают крылья-в-футляре.

Один и Четыре были представлены Пепельными ястребами, падающими в небеса, – знаменитый сигнификат, означающий храбрость. Третий – тот, что с неприятельным послужным списком – заставил ее вытаращить глаза: Невылупившийся Пепельный ястреб. Очень дурной знак, пусть даже рациональное объяснение не подразумевало ничего такого. У Шестого был Ястреб, светло горящий – самый распространенный сигнификат Кел, совершенно бесполезный для нее. Второй, Рахал, оказался Волком-прорицателем, одиноким охотником, и это перво-наперво объясняло, почему он служит Кел. Пятый, Шуос, был Девятихвостым лисом с наполовину опущенными веками, что намекало на опасность удара в спину. Черис не сомневалась, что каждый лисий глаз смотрит на нее.

– Ситуация такова: мы имеем дело с календарной ересью, сосредоточенной в Крепости Рассыпанных Игл, – без предисловий начал Подкомандующий номер два. Над центром стола появилась карта. – Если это будет продолжаться, контроль гекзархата над Запутанной маркой окажется под угрозой, и, ввиду центрального расположения марки, то же самое случится с гекзархатом как таковым. Согласно последним донесениям, щиты из инвариантного льда включены и работают на полную мощность. Изначальная оперативная группа, которую послали вычищать ересь, потерпела поражение.

– Потерпела поражение или обратилась в ересь, сэр? – спросил Шуос. Голос был женский, хладнокровный и бесстрашный.

– Сперва первое, потом второе, – ответил Подкомандующий номер два. – Оперативная группа представляла собой рой из двадцати пяти кораблей, включая линзомот Рахал. Вернулся только он, потому-то нам известно, что произошло.

Третий и Четвертый, Невылупившийся и полковник, обменялись взглядами. Значит, по меньшей мере двое Кел знают друг друга. Наверное, им сейчас очень неловко.

Черис спросила себя, не знают ли они больше, чем она. Тот факт, что к Крепости направили линзомот, был дурным знаком. Рахал ревностно охраняли свои необычные моты. Просто послать его в какую-нибудь систему обычно было достаточно, чтобы он вернулся, невзирая на ересь, которая там произрастала. Однако линзомоты полагались на экзотические технологии и потому были бесполезны в случаях особо продвинутой календарной ереси. В каком-то смысле это мотивировало еретиков как можно быстрее перейти к радикализму.

– Рахал уступили этот вопрос Командованию Кел, – сказал Подкомандующий номер два, и все поняли: Рахал ожидают, что Командование Кел так отдубасит еретиков в Крепости, что останется лишь осудить и наказать их. – С этой точки зрения вы все – расходный материал, но успех не останется без награды. Предлагайте то, что считаете подходящим. Согласно порядковым номерам.

Первый встал и отдал честь. Черис как будто наблюдала за живой марионеткой, с суставами в нужных местах, но некоторой неправильностью в движениях. Его план подразумевал объединение сил Кел и Шуос с целью бомбардировки из-за пределов зараженной зоны. Рискованно доверять инвариантной кинетике, когда гниль могла открыть бунтовщикам доступ к неизвестным контрмерам. Другой проблемой было то, что Первый хотел очистить Крепость от населения, – значит, Кел придется положиться на Видона, чтобы те впоследствии предоставили нужное количество лояльных граждан для восстановления должной консенсусной механики.

Вторым был Рахал, и его предложение оказалось простым: поручить рою линзомотов выжечь всё вокруг очага еретических верований. Похоже, фракция Рахал в отчаянии, раз они готовы смириться с подобным. Невзирая на свою силу, Рахал были наделены несгибаемой честностью, абстрактным образом мыслей и аскетизмом, вследствие чего являлись одной из беднейших фракций.

Прагматическая проблема заключалась в том, что линзомоты действовали медленнее, чем распространялось заражение. Черис поразмыслила над картой и пришла к выводу, что план Второго годится, но с трудом вписывается во временные рамки, да и то – лишь в том случае, если выполнять его будут люди со склонностью к патологической точности в вопросах геометрии. Конечно, среди Рахал таких отыскать нетрудно.

Третий и Четвертый представили свой план вместе, и он включал пехотную атаку с использованием оружия из Арсенала Кел. Черис даже не знала, что такое «пушка пренебрежения».

Пятая заставила Черис слегка напрячься. Шуос хотела реквизировать оружие из Архивов Андан.

– Мы не можем требовать доступа к ресурсам Андан, – сказал Подкомандующий номер два, впервые перебив кого-то из ораторов. Андан были третьей высшей фракцией, вместе с Рахал и Шуос, и обычно они держались в стороне от военных вопросов. Они славились любовью к высокой культуре и склонностью ее контролировать, а также богатством. Они не очень-то ладили с Шуосами или Кел.

– Прошу прощения, генералы, – возразила Шуос, – но это неправда. Андан поддаются убеждению не хуже других. Я бы не упомянула о подобном, если бы средства убеждения не существовали.

– Договаривайте, – сказал Подкомандующий номер два после паузы.

– У Андан есть версия шуосского крикуна, который работает в более широком диапазоне календарных величин, – сказала Пятая. – Есть свидетельства того, что выжившие, после применения соответствующих методов Видона, могут снова сделаться полезными для общества. В целях полной открытости должна заметить, что выживаемость составляет около сорока процентов, а оставшиеся утрачивают способность к высшей мыслительной деятельности.

Черис всё еще была убеждена, что все глаза, полускрытые веками, неотрывно глядят на нее, а не на композит, который должен был выбрать одно из предложений. Но она ведь Шуос – а значит, это не паранойя.

– Вас услышали, – сказал Подкомандующий номер два после долгого молчания. – Следующий.

Шестой – точнее, Шестая начала с перечисления предыдущих предложений, от атаки с использованием пехоты до линзомотов и анданского крикуна, а потом улыбнулась. Улыбка угадывалась безошибочно, пусть даже ее силуэт не имел

рта. Улыбка была слышна в том, как изменились интонации голоса.

– Пожертвуйте кем-то из Нирай, – сказала Шестая. Черис тотчас же ощутила к ней неприязнь. Одно дело – жертвовать солдатами Кел. В этом и заключалась их цель. Но Нирай существовали для того, чтобы заниматься наукой и что-то конструировать, а не умирать. – Пусть Нирай состреляют для еретиков оружие, и еретики сперва обратят это оружие друг против друга, а не против нас. Лишь после того, как они уничтожат себя сами, мы вступим в игру.

Это был не тот план, которого можно было ожидать от Кел, но не все Кел были такими прямолинейными, как в анекдотах, иначе они не выигрывали бы сражения. Идея была прагматичной, даже вероятной. Черис припоминала исторические примеры, когда аферы Шуос привели к похожим результатам. Но всё равно ее охватила тревога.

– Номер семь, – сказал композит. – У вас есть предложения получше?

Черис не посмотрела в глаза девятихвостого лиса.

– Пятый предложил оружие, – сказала она. – У меня идея получше. Эту битву можно выиграть с одним человеком.

Все уставились на нее.

– Уточните, – велел Подкомандующий номер два. Он знал. Какой же еще гамбит разыгрывался за этим столом?

– Генерал Шуос Джедао. – Вот. Она это сказала.

– Сэр, – тотчас же заявил Четвертый. – Я отзываю свое предложение.

Это был одновременно хороший и дурной знак. Хороший – потому что ее соратник Кел, да к тому же полковник с множеством наград, признал вес ее слов. И дурной – по той же причине.

Остальные не последовали примеру Четвертого. Поза Рахала сделалась задумчивой. Черис продолжила избегать взгляда женщины-Шуос.

– Как занимательно, – проговорил Подкомандующий номер два. На этот раз его улыбка была адресована напрямую Черис. – Я должен проинформировать гекзарха Шуос Микодеза. – Разумеется, это была простая любезность, поскольку генерал Джедао находился под опекой Кел вот уже 397 лет. Не успел он договорить, как силуэты остальных начали исчезать, оставив по себе лишь короткий порыв теневого ветра. Глаза композита теперь были лисьими, желтыми – и в них плескалось злобное удовлетворение.

Черис поняла, что с помощью игровой доски ею манипулировали. Чего она всё еще не понимала, так это почему Командование Кел не приняло такое решение напрямую.

– Сэр? – вопросительно проговорила она.

– Отдан приказ о пробуждении генерала Джедао, – сказал Подкомандующий номер два. – «Горящий лист» направляется к перевалочному пункту, где вы получите выбранное оружие. Рекомендую отдохнуть.

И Подкомандующий номер два также исчез, оставив Черис одну в зале, полном вопросов без ответов.

Глава четвертая

Некоторые кадеты вылетали из Академии Кел после первого же приказа принять участие в формации. Черис помнила, как это случилось. Рядом с ней оказался юноша, чья дрожь была заметна невооруженным глазом: дурной знак, но инструкторы настаивали, что распознать кандидатов на выбывание не так уж просто.

Их классу внедрили базовую верминофобию. Инструктор велел им изобразить Первую Формацию. Первая Формация существовала ради того, чтобы выяснить, кто из кадетов способен стать Кел, а кого невозможно ассимилировать. Черис настроилась пройти это испытание и с той же решимостью велела себе не трястись как осиновый лист.

Как только они построились – формация имела вид квадрата с выступами с каждой стороны, вроде рогов, – инструктор призвал вредителей.

На самом деле, конечно, это были не вредители. Это были миниатюрные сервиторы в облике змей, жалящих мух и пауков. И всё же для фобии сходства хватало. Даже Черис, которая дружила с сервиторами с детства, не сумела сдержать рефлекторное отвращение.

Они покусывали складки ее кожи и тыкались в напряженные руки. В какой-то момент ее лицо покрылось тяжелым панцирем из ползающих сервиторов, и она ощутила их холодный вес. Она попыталась не моргать, когда серебряные усики всколыхнулись прямо перед глазами. У нее возникла навязчивая идея: а вдруг это существо воткнет усик в зрачок, расширит его до предела, заползет внутрь через зрительный нерв и поселится в каком-нибудь закутке мозга, отложит яйца в потайных нервных узлах, в жировой клетчатке?..

Формация требовала стойко держаться. Черис держалась. Она сперва думала, что странное оцепенение – это фобия, но потом поняла, что испытывает эффект формации. Она черпала поддержку у совокупности товарищей, а они – у нее. Даже когда паукоформа замерла в уголке ее губ, даже когда она затряслась, не позволяя себе смахнуть сервитора прочь, она была готова на что угодно, лишь бы не нарушить формацию.

Три кадета сломались. Треклятые сервиторы их не преследовали. Они донимали только тех, кто держался.

Обычно Черис хорошо чувствовала ход времени, но фобия оказалась сильнее. Когда инструктор убедился, что никто больше не сломается, и отозвал сервиторов, она с удивлением поняла, что они стояли вот так всего лишь двадцать четыре минуты. Ей казалось, прошло гораздо больше.

Даже после того, как техники избавили ее от фобии, Черис снились маленькие копошащиеся твари: они жаждали по венам пробраться до сердца и поселиться там. Но она черпала утешение в том, что рядом были товарищи.

Два сервитора роты Цапли, которых люди знали как Воробей?2 и Воробей?11, болтали о ерунде. Они отдыхали, пока мот-сеть получала инструкции

относительно остатков роты, и ни сеть, ни люди-Кел не отслеживали каналы связи, предназначенные исключительно для сервиторов, потому что не считали скучные технические разговоры достойными внимания. Многие мот-сервиторы вели долгие споры относительно машинной обработки привычек и подключения к сетям генераторов псевдослучайных чисел на тот случай, если люди заскучают в достаточной степени, чтобы подслушивать.

Воробей?2 твердил, что Черис надо было предупредить: она стала пешкой в игре Шуосов.

Воробей?11, которая занималась ремонтом одной из конечностей, возражала. Черис не просто включилась в игру Шуосов. Она вот-вот попадет в руки гекзарха Нирай и Жертвенного лиса. Если гекзархи узнают, до чего крепки ее связи с их народом, это подвергнет опасности и ее саму, и всех сервиторов, которые полагались на убежденность людей в том, что они всего лишь дрессированная мебель.

Сервиторы считали, им повезло, что гекзарх Нирай, который уже был взрослым, когда машины достигли разумности, с трудом признавал гуманоидов людьми, не говоря уже о машинах. Жертвенный лис был угрозой для гекзархата, но для сервиторов – не особенно, так что он вызывал меньше беспокойства. Впрочем, поскольку оба Воробья были сервиторами Кел, у них имелся обязательный набор предубеждений в его отношении.

Воробей?2 выразил дискомфорт от сложившейся ситуации. Он напомнил, как ему нравилось вести с Черис разговоры о теории чисел и об историях, которые она рассказывала про воронов из своего родного города. Ну неужели ничего нельзя сделать?

Воробей?11 подумала, что Воробей?2 еще очень молод. Она напомнила ему, что Черис – никудышная лгунья. Единственный способ, позволяющий пережить первую встречу с «черной колыбелью», – это по-настоящему ничего не знать о том, что ее ждет. Иначе гекзарх Нирай что-то заподозрит и уничтожит ее.

Они еще некоторое время пререкались, но в конце концов Воробей?2 согласился, что точка зрения Воробья?11 верна. По крайней мере, тайная система связи сервиторов уведомит их о дальнейших событиях, если Черис сумеет выскользнуть из хватки гекзарха. И на каком бы боемоте она ни оказалась, там

будут сервиторы; вопрос заключался лишь в том, захочется ли ей побеседовать с ними о чем-то другом, помимо заурядных тем. Политика сервиторов заключалась в том, чтобы никогда не навязываться, но они охотно отвечали на просьбу союзника, даже если он был в таком шатком положении, – главное, вежливо попросить.

Вскоре после собрания к Черис явился заместитель командира боксмота и сообщил, что на время путешествия ее накачают наркотиками.

– Другого выхода нет, капитан, – сказал он. – Иначе им придется извлечь вашу пространственную память и как следует ее вычистить. – Он не упомянул о том, что они оба и так знали: после ее транспортировки весь экипаж боксмота подвергнут такой очистке. – Техники по месту назначения расскажут вам больше деталей.

Черис не понравилась мысль о том, что этот путь она преодолеет в угнетенном состоянии сознания, но, по крайней мере, он не завел речь о полной седации.

– Я могла бы лучше подготовиться, если бы вы дали мне какие-то подробности сейчас, сэр, – сказала Черис; не потому что ждала от него дополнительных разъяснений, но потому, что он должен был доложить начальству о ее возражении.

– Не сомневаюсь, капитан, – сказал заместитель, и на этом разговор закончился.

Черис явилась в медотсек и из-за ретроактивного воздействия лекарств даже не вспомнила, как дошла до двери. Намного позже она восстановила некоторые впечатления: запах, похожий на смесь ароматов мяты, дыма и цветущей осоки, сердцебиение – слишком медленное, чтобы быть ее собственным, мир, который колыхался и изгибался. Вода цвета сна или сон цвета воды.

Потом она проснулась. Аугмент сообщил, что ее перевели с борта «Горящего листа». Вообще-то она находилась на станции, а не на моте – видимо, там же, где располагалась «черная колыбель». На краткий миг поддавшись смятению, она настроилась ощутить тепловую пульсацию в руке, но ничего не произошло. Конечно, пульсацией пользовались только пехотинцы-Кел, а не те, кто служил на мотах, – и ее, скорее всего, уже не считали частью пехоты.

Открыв глаза, Черис первым делом увидела ослепительную россыпь блестящих поверхностей и углов. Она находилась в странной шестиугольной комнате, наводящей на мысли о сердцевине зеркала. Ее кожа была холодна, а дыхание почти не оставляло туманных следов в прохладном воздухе. Но, пошевелившись, медленно и с трудом, она ощутила ток крови по венам и поняла, что не мертва.

Внутри черепа ощущалось что-то неправильное, как будто кто-то переписал все ее нервы, используя чужой алфавит. Она с трудом формулировала связные мысли.

Кто-то обрядил ее в унылую желто-коричневую пижаму, поверх которой был обогревающий халат. Она осторожно потянулась, ощущая необъяснимую неуклюжесть, а потом позволила теплу халата смягчить ноющую боль в мышцах. Оглядевшись, нашла один из своих мундиров и начала переодеваться. Ощущение было такое, словно все ее конечности неправильной длины.

А потом она краем глаза увидела свою тень и оцепенела.

Тень не выглядела ее собственной, даже если забыть про глаза. Но помимо неправильных пропорций, имелись еще девять глаз: немигающих, желтых как свечи, выстроенных в три треугольника. Пока Черис смотрела, глаза переместились и образовали идеальную прямую, которая рассекла тень напополам. Они как будто увеличивались в размерах; словно приближались.

Туман в голове рассеялся. В горле появился комок. Она подумала: «Не закричу». Только вот мысленный голос не был ее собственным. Он был незнакомым, мужским, и как будто пробудил эхо внутри черепа. Она не могла его заткнуть, она не могла его извлечь, она не могла вернуть собственный голос. Любую ее мысль проговаривал незнакомец, и пускай при других обстоятельствах она нашла бы его низкий и медлительный голос приятным, но...

Навыки Кел взяли верх. Она устыдилась собственной паники. Наверное, это формация – наверное, это новая формация, которой начальство лишь теперь ее обучает, а правильный ответ на формацию состоит в том, чтобы ей поддаться. Черис вынудила себя посмотреть на тень. Теперь-то она поняла, что та принадлежит мужчине. Они изменили ее пол? Они могли, среди Шуосов и Андан такое не считалось чем-то из ряда вон выходящим, и она даже задавалась вопросом, на что это похоже, но большинство Кел считали смену пола

безвкусицей, так с чего бы ее начальству...

Тут она услышала тот же мужской голос, но слова явно принадлежали кому-то другому, словно он с нею разговаривал. Но Черис не видела рядом ни души. Голос произнес:

– Видимо, вас не предупредили. Прошу прощения – никто не сообщил мне, как вас зовут?..

Тон был встревоженный, но вместе с тем властный, а она знала, как правильно отвечать вышестоящему офицеру.

– Капитан Кел Черис, сэр, – сказала она, используя самую вежливую форму.

Черис посмотрела на свои руки в перчатках, на те части своего тела, которые видела. Нет, первая мысль была правильной. Когда она говорила, а не просто думала, голос был ее собственным – но ведь и тело осталось ее собственным. Логично.

Последовала пауза.

– Я не могу читать ваши мысли, – продолжил голос. – Я слышу, как вы говорите, вслух или субвокально. Хотите, чтобы я продолжил, или предпочитаете во всём разобраться самостоятельно?

Черис сбило с толку то, что он давал ей право выбора.

– Сэр? – сказала она.

– Вы ведь Кел, не так ли? Впрочем, как всегда. – Помедлив, он продолжил: – Цвета забываются очень легко. Но стиль униформы не очень-то изменился. Не надо... того, что вы с собой делаете – это не формация, в этом нет необходимости. Лучше не пытайтесь втиснуться в меня, как в перчатку. Меня зовут Шуос Джедао, однако не стоит и дальше обращаться ко мне «сэр». Думаю, вы согласитесь, что в наших обстоятельствах это слегка нелепо.

Она огляделась, пытаясь понять, откуда исходит голос. Если ей не нужно прибегать к формационному инстинкту, то как дальше быть?

– Лучше посмотритесь в зеркало, – сказал Джедао. Черис решила, что это приказ. Она потрясенно уставилась на отражение, потом – на собственные руки и снова на отражение. Из зеркала на нее смотрел Джедао. Она попыталась вспомнить его облик по фильмам, которые смотрела в академии, но воспоминания расплывались. У него были прямые черные волосы с челкой, длинноватой по нынешним стандартам Кел, и темные глаза, а лицо в целом могло бы считаться красивым, не будь оно таким не улыбочивым. Черис не рискнула улыбнуться. Он был поджарым, мускулистым, и на его шее – над самым воротником – виднелся широкий шрам.

Просто ради проверки Черис снова изучила себя – свое собственное, хорошо знакомое тело. Только отражение принадлежало Джедао. Успокоившись, она закончила переодеваться.

Потом опять посмотрела в зеркало, поскольку он этого не запретил. На отражении была униформа с генеральскими крыльями поверх распахнутого глаза Шуосов, но крылья соединяла цепь, вышитая серебром. Не стоило и спрашивать, что означает символ.

А вот перчатки ее огорчили. Поскольку она надела свои, Джедао в отражении носил черную пару, в знак уважения традиции Кел, но его перчатки были без пальцев, потому что на самом деле он не был Кел. В современном мире чужаки, подчиненные Кел, носили серые перчатки вместо черных. Перчатки без пальцев вышли из моды после предательства Джедао, и она видела такое лишь на старых фотографиях и картинах.

Он был выше на полголовы. От невозможности смотреть отражению глаза в глаза мышцы едва не свело судорогой.

– Сэр, – проговорила она, невзирая на сомнения. Как же еще обращаться к немертвому генералу, если не согласно рангу или званию? Простое «вы» казалось неправильным.

Джедао тихонько вздохнул.

– Вопросы? Я через это уже проходил, в отличие от вас.

– Вы призрак?

– В основном. Я бесплотен, хотя в меня можно попасть из экзотического оружия, если целиться в тень. Я прикреплен к вам, и это значит, что мое благополучие зависит от вашего. Я поглощу большую часть экзотического ущерба, прежде чем что-то дойдет до вас, так что меня можно назвать таким прославленным щитом. В этой области какие-либо неприятности грозят вам лишь после моей смерти. И прямо сейчас слышать меня можете только вы и другие ревенанты[б - Слово французского происхождения (гл. revenir - возвращаться), обозначающее человека, который восстал из мертвых.]. Вы убедитесь, что это одновременно помогает и ужасно мешает. Есть только один ревенант помимо меня, который будет сопровождать нас. Вы с ним скоро познакомитесь.

Зеркальная стена без предупреждения открылась, и за ней оказалась узкая комната с беговой дорожкой. Их дождался бледный и стройный мужчина в черной с золотом униформе Кел – впрочем, перчатками он пренебрег. На униформе не было никаких отличительных знаков, но эмблема в виде серебряного пустомота указывала, что он Нирай в подчинении у Кел. Крылья пустомота также были соединены серебряной цепью. Приглядевшись к его тени, можно было увидеть, что она состоит из силуэтов порхающих мотыльков. При виде насекомых Черис сделалось не по себе, как будто они должны были вот-вот оторваться от пола и выжрать ее костный мозг.

Черис привыкла, что по стандартам Кел она маленькая, но этот незнакомец был и впрямь высок ростом.

– Простите, что заставила вас ждать, сэр, – сказала она, на всякий случай обращаясь к Нирай как к вышестоящему, хоть отсутствие эмблемы, обозначающей ранг, и сбивало с толку.

– Я следил за вашим пробуждением, – невозмутимо ответил Нирай, – и в этом вопросе ваше здоровье превыше всего. В любом случае вы паниковали в значительно меньшей степени, чем предшественник. Примеры Келовского стоицизма меня восхищают. – Голос у него был красивый, но тон – ровный, а в том, как он произносил глаголы, сквозило презрение. Было трудно понять, что всё это значит. Многие Нирай пренебрегали формальностями.

– Разве формационный инстинкт должен был овладеть ею так сильно? – спросил Джедао. В его голосе звучала почтительность.

Нирай добродушно изогнул бровь.

– Академия Кел всё время играет с параметрами, – сказал он, – отсюда и вариации. Не думаю, что в ней есть что-то необычное, но мы не можем выпустить ее отсюда, доверив тебя, если она столь внушаема. Понимаю, тебе бы весьма этого хотелось.

– Я был паинькой четыре века, – ответил Джедао. – Вряд ли теперь изменюсь.

– Да-да, когда ты был жив, про тебя тоже так думали.

– Ты любишь непроверяемые доводы, да?

– Я люблю выигрывать. – Нирай обратил всё внимание на Черис. Ее поразила необычайная красота его глаз, дымчато-янтарных с бархатными ресницами; а ведь обычно Черис не интересовали мужчины. – Пройдитесь по беговой дорожке, – велел он, – чтобы напомнить вашим мышцам, зачем они нужны. И еще потому, что в вас присутствует кое-что от его мышечной памяти, и будет мало толку, если вы станете спотыкаться на ровном месте.

Черис не возражала. Она нашла хороший темп: достаточно быстрый, чтобы поднять пульс, достаточно медленный, чтобы непослушные ноги ее не подвели. Тот факт, что координация движений пострадала, беспокоил ее. Она никогда не была самой проворной из товарищей, но надеялась, что эффект временный.

– Джедао, – сказал Нирай. – Полагаю, ее показатели удовлетворительные?

– Я твое оружие, – сказал Джедао.

Черис удивилась. Кел мог сказать эту церемониальную фразу вышестоящему, причем лишь в самых торжественных случаях, но ироничный тон Джедао намекал, что происходит нечто иное.

– Кроме того, – прибавил Джедао, – если с нею дела обстоят как с прочими, у нее никогда не было весомого права выбора, да и у меня его тоже не было.

Наверное, вопрос отразился на лице Черис. Нирай сказал:

– Мы предпочитаем добровольцев. У них больше шансов пережить весь процесс.

А, ну да. Добровольцев в стиле Кел.

– Давайте я изложу остальное, – продолжил Нирай. – Похоже, вы придумали, как применить Джедао, и Командование Кел это одобрило. Вам следовало бы знать, что призраков из «черной колыбели» можно оживить, лишь прикрепив к кому-то живому – мы называем это «заякорением». Это не общеизвестные сведения. Джедао упомянул, что большинство разновидностей экзотического оружия навредят ему, прежде чем навредить вам. Есть несколько исключений. Рекомендую их изучить, когда будет возможность.

Джедао не может читать ваши мысли, о чем он уже сказал, но он умолчал, что может видеть и слышать – в частности, он видит дальше человека и во всех направлениях сразу. Бессмысленно говорить такое Кел, но следите за языком тела в его присутствии, если не хотите предоставить ему окошко к содержимому вашего мозга. Время от времени его личность будет просачиваться, его реакции подменят ваши, но сильнее всего это проявляется с мышечной памятью – и всё не так плохо. Его рефлексы спасали предыдущие якоря.

Нирай небрежно прислонился к стене, но его взгляд остался прямым и внимательным.

– Есть еще кое-что, и это причинит боль: вам предписано убить Джедао, если покажется, что он сходит с ума или собирается предать вашу миссию.

Он был прав. Это причинило ей боль. Она неуклюже свалилась с беговой дорожки и грохнулась на пол, потому что ноги внезапно отказали. Она была частью иерархии, которую поклялась поддерживать, и люди всё еще относились к Джедао сообразно его рангу. Черис поднялась с пола, дрожа. Здравый смысл подсказывал, что ей дали приказ, причем весьма логичный, но прямо сейчас она была подключена к Джедао как к лидеру формации, пусть он и был призраком. А еще – предателем.

Нирай следил за ее реакцией. Он улыбался и даже не пытался скрыть веселье.

– Это пройдет, – мягко проговорил Джедао. – И, знаете, он прав. Я помню все безобразия, которые учинил.

– У вас будут команды поддержки, – сказал Нирай, – потому что было бы глупо их не обеспечить. Но лучше, если вы справитесь самостоятельно. – Он постучал по столу, и из какого-то невидимого отделения выдвинулся пистолет тусклого серо-зеленого цвета. Черис никогда не видела такого оружия, что было необычно для Кел – впрочем, подумала она, вполне в духе Нирай. – Это предпочтительное оружие. Оно называется хризалидный пистолет, и его цель – подготовить Джедао к возврату в «черную колыбель» до следующего раза.

Черис попыталась сформулировать вопрос. Удалось с третьей попытки.

– Как генерал может защищаться, сэр?

– Он может с вами разговаривать, – язвительно ответил Нирай. – Не смейтесь, не надо. У него это очень хорошо получается. Когда его речи покажутся здоровыми, а остальной мир – нет, знайте: пришла пора нажать на спусковой крючок. Без обид, Джедао.

– Тоже мне, новость – я и так знаю, что безумен, – сказал Джедао, по-прежнему иронично.

Нирай протянул пистолет Черис.

– Он на минимальной мощности и не нанесет генералу серьезного вреда, – сказал он, показывая ей регулятор. – Черис, я хочу, чтобы вы выстрелили в Джедао.

Черис взяла пистолет. Может, Нирай ей лгал, пусть даже она не понимала, в чем цель такого обмана.

– Куда целиться, сэр?

– В тень или в отражение. Можно еще в себя, но, согласно моим источникам, отходняк будет жестким. Я бы не советовал.

Черис направила хризалидный пистолет на свою тень. Ее руки в перчатках вспотели; капли пота текли по спине. Но ей дали приказ, пусть и в неформальном тоне, и это успокаивало. Не успев переубедить себя, она нажала на спусковой крючок.

Нахлынула волна жуткой боли, и Черис выронила пистолет. Ее учили никогда не ронять оружие.

Джедао сыпал ругательствами на незнакомом языке. По крайней мере, звучало это как ругательства.

«Джедао?» – подумала она.

Ее мысль озвучил его голос.

Но формационный инстинкт убывал. Теперь она мыслила более ясно.

– Так лучше, – сказал Джедао. Неужели в его голосе звучало подлинное облегчение? – Подберите пистолет и держите его при себе постоянно. Кобура вон там.

Она сделала, как велели.

– Что ж, тогда можно приниматься за работу, – сказал Нирай, оживляясь. – Я подготовил более комфортабельные условия. Шесть циклов, дверь откройте пинком. Я собирался заменить ее на кое-что более интересное, но отвлекся. – Прямо рядом с ним открылась дверь, и он вышел не прощаясь.

– Отвлекся? – повторила Черис, вспомнив, как он улыбнулся, когда она упала с беговой дорожки.

– У Нирай причудливые представления о развлечениях, – без выражения проговорил Джедао. – Два человека выжили после помещения в «черную колыбель». Он один из них, другой – я, и теперь вы знаете, почему гекзархат

больше никого туда не засунул. В любом случае, полагаю, нам надо выиграть войну, иначе вы бы не вытащили меня из морозилки.

– Там, где вы находитесь, холодно? – Иногда склонность Кел к буквализму бывала полезной.

– Это просто фигура речи.

Черис вышла из комнаты с беговой дорожкой. Они прошли наружный цикл шесть раз, и каждая итерация не отличалась от предыдущей, за исключением одного приступа тошноты на каждый цикл. Ближе к концу коридор стал поглощать звук шагов Черис, выдавая эхо после чересчур большой задержки. Стены были черными, пол и потолок – тоже. Если слишком долго смотреть на потолок, что Черис однажды сделала, то на нем проступали звезды – сперва едва заметные, они надвигались всё ближе и быстрее, светящиеся мазки туманностей делались четче и превращались в россыпь сияющих драгоценных камней, и даже в бархатной тьме появлялись трещины, за которыми со скрипом вращались огромные шестерни, – но она отвела взгляд. Она много раз слышала, что станции Нирай особенные, но подобное увидела впервые.

Дверь в конце коридора выглядела так, словно ее вырезали в стене лазерным ножом. Черис почти удивилась, что края не шипят и не излучают бело-красное свечение. Она решила, что надо снова применить буквальный подход Кел, и пнула дверь. Та открылась.

Комната была обставлена лаконично. Вся мебель расположили вдоль стен – даже аккуратная Черис нашла это удручающим. На узкой красно-золотой скатерти стояли четыре вазы. Красный и золотой, цвета Шуосов, лисьи цвета: в честь Джедао? Но спрашивать она не собиралась. В каждой вазе было по цветку в разных жизненных фазах, от бутона до цветения, от опадающих лепестков до хохлатой семенной коробочки. Черис пришло в голову, что эту композицию можно уничтожить, рванув скатерть.

– Что вам рассказали? – спросила Черис.

– О предстоящей поездке? Ничего. Информация – такое же оружие, как и все прочие. Мне нельзя доверять оружие.

– Не уверена, что понимаю суть.

– Мое предательство вошло в историю. Не рискуйте, давая мне возможность повторить содеянное, но уже против вас.

Черис нахмурилась. Что-то тут не складывалось.

– Ценю вашу обеспокоенность, сэр. – Последнее словечко выскользнуло против воли: привычка.

– Вы не участвовали в осаде Адского Веретена, – сказал Джедао, и впервые его голос прозвучал совершенно без интонаций.

Ей пришлось спросить – хотя он наверняка слышал этот вопрос сотни раз:

– Почему вы это сделали?

Как любой Кел и любой Шуос, она изучала разные мнения об осаде. Никто не сомневался, что бойня была преднамеренной.

– Если вы думаете, что сможете меня исцелить, – проговорил Джедао, – то учтите, что лучшие техники Нирай за сотни лет так и не поняли, что стало спусковым крючком. Они сунули нос в мои сны – а это непросто, поскольку я никогда не сплю, – и заставили меня пройти дурацкие ассоциативные тесты, связанные с разнообразными фруктами, и еще – сыграть во все карточные игры, известные в гекзархате. Кроме того, уже слишком поздно. Надо было им шевелить мозгами до того, как умерло столько людей. – Пауза. – Ну так скажите мне, капитан, зачем я здесь.

Черис неистово соображала. Его слова звучали рационально, однако он всё же мог планировать предательство. Его кажущейся искренности тоже не стоило доверять. С другой стороны, зачем он ей нужен, если она не будет его использовать? Все историки сходились в одном: Джедао был гениальным тактиком, а тактика начиналась с понимания людей. Черис не тешила себя иллюзией, что сможет дать отпор опытному лису. У нее появилась опасная идея, которая заключалась в том, чтобы вести себя с ним честно и посмотреть, что из этого получится.

– Календарная гниль, – сказала Черис. Она пересказала всё, что ей сообщили, одновременно призывая карты. Сеть выдала и те, к которым у нее раньше не было доступа. Гниль успела распространиться, и можно было отследить ее течение от зараженной крепости до соседних регионов.

– Мы можем победить, при наличии нужных ресурсов, – медленно проговорил Джедао. – Но я бы не сказал, что это будет легко.

Она не знала, радоваться или огорчаться от его оценки.

Один из терминалов продемонстрировал доступные им ресурсы в пределах шестидневного радиуса транспортировки. Черис дважды перечитала сообщение.

– Я не жалею о нехватке пушек, – сказала она, – но пушки воздействуют на разум, а не на сердце. А календарная гниль происходит как раз из сердца.

– Зависит от того, куда стрелять, – сухо заметил Джедао. – Переключите вон тот дисплей в трехмерный вид, пожалуйста.

Черис развернула дисплей, и контуры изображения вспыхнули. Она прокрутила его вокруг вертикальной оси, чтобы они смогли получше рассмотреть регионы, сильнее всего пораженные гнилью и окрашенные в текстурированный светло-серый, неприятный цвет.

По календарным причинам Крепость была расположена посреди пустого пространства, и ближе всего к ней располагалась система Сломанной Ступни. Примечание к карте указывало, что там уже размещен линзомот, но поскольку сама крепость поражена, он может лишь, фигурально выражаясь, останавливать кровотечение.

– Я вижу здесь две жизнеспособные альтернативы, – сказал Джедао. – В общем-то три, но, если бы гекзархат намеревался зачистить регион, мы бы не понадобились.

Она прочитала вслух соответствующую часть их приказа:

– «Экономически нецелесообразно».

Гниль уже коснулась обитаемых планет Сломанной Ступни, чьи экосистемы были слишком ценны, чтобы просто так их уничтожить.

Джедао немного помолчал.

– Ладно. Мы можем попытаться стабилизировать Сломанную Ступню и позже использовать ее в качестве плацдарма для полномасштабной атаки или направиться напрямик к Крепости с надеждой, что обратная волна от Сломанной Ступни не настигнет нас в самый неподходящий момент. Что предпочитаете?

Черис знала про Крепость. Она знала, в общих чертах, ее самые престижные низкие языки и распределение богатств между классами. Она знала, сколько граждан Крепость посылала в академии, в том числе – конкретные цифры по каждой. И она знала о прославленных щитах на инвариантном льде, но про это знали все.

Она знала многое – и ничего. Она чувствовала, насколько малозначительны аккуратно разложенные по полочкам факты на фоне какофонии живых сообществ. Однажды она заглянула в краткое описание, которое Кел дали Городу Пирующих Воронов. Она увидела свою родину дистиллированной, превращенной в стерильный список фактов. Каждый по отдельности был правдой, но список никоим образом не передавал звук, с которым стая воронов кружилась в небе, рисуя пылью пророческие следы.

– Нам придется рано или поздно штурмовать Крепость, – сказала Черис. – Уж лучше рано. Если повезет, так погибнет меньше людей.

– Хорошо, – твердо сказал Джедао. – Рад, что нас заботит одно и то же.

Было странно слышать такие слова от виновника массовых убийств, и их истинное значение ей предстояло понять гораздо позже.

Глава пятая

Комната, предоставленная Черис, была украшена вазами, в которых стояли «цветы» из скрепленных проволокой костей маленьких животных. Она спросила себя, чем еще занимается Нирай от скуки, но ей и так уже сообщили больше, чем хотелось.

– Начнем с начала, – сказал Джедао. – Запросите у сети «Установочные инструкции при первом заякорении».

Судя по названию, документ сочинила какая-нибудь комиссия. Как бы там ни было, Черис послала запрос сети. Сперва ее приятно удивило, насколько коротки оказались инструкции. Потом она встревожилась.

– Если есть вопросы, задавайте, – сказал Джедао. – Но должен предупредить, что есть целые секции, по поводу которых я ничего не смогу рассказать.

Черис разрывалась между желанием как можно скорее прочитать инструкции, чтобы они смогли вернуться к планированию осады, и всё как следует запомнить. Она остановилась на промежуточном варианте. Инструкции большей частью уточняли то, что ей уже было известно, однако дойдя до секции про трупное стекло, Черис нахмурилась.

«После восстановления генерал будет изъят для последующего использования с помощью трупного пистолета, – гласили Установочные инструкции. Сноска уточняла: – В случае чрезвычайной необходимости, если генерал откажется выдать необходимую информацию, остатки трупного стекла может проглотить доброволец. Хотя процедура экспериментальная, это позволит генералу обрести тело, чтобы его можно было пытаться».

– «Доброволец»? – переспросила Черис. Нирайское понимание «добровольца», несомненно, было таким же, как и у Кел.

– Не думаю, что кого-то можно насильно накормить трупом призрака, – сказал Джедао, – на моей памяти такого не случилось ни разу. В любом случае не рекомендую пробовать. Наш знакомый Нирай считает, что кусочки моего разума внутри вас сведут вас с ума – а ведь я и сам безумен.

– Я это запомню, – ответила Черис, стараясь не думать о том, что ее текущее положение ничем не лучше. Она оторвала взгляд от Установочных инструкций. –

Я готова.

– Ладно, – сказал Джедао. – Начнем. Первый дисплей: Крепость Рассыпанных Игл и все сведения о ее системах защиты. Второй дисплей: отчет о населении и происхождении ереси. Третий: данные по конкретной разновидности гнили и скорости образования метастаз. Придется попросить Нирай, чтобы одолжил нам математического аналитика...

– Я с этим справлюсь.

Всплеск интереса:

– Вас обучали Нирай?

– Математика была моей специальностью, – сказала Черис. Она привыкла это объяснять. – Вербовщики рекомендовали мне подать заявку в Академию Нирай, но я отказалась.

– И Кел всё равно вас взяли.

– Да, но сперва посоветовали обратиться в Академию Нирай.

– Я хочу убедиться, что понял правильно, – сказал Джедао. – У вас был выбор и заслуживающие внимания математические способности – и вы всё равно решили стать ястребом. Давление семьи?

– Я могу запросить для вас мое досье.

– Да, не помешает, но я бы хотел услышать и ваш ответ.

Черис вызвала свое досье – по крайней мере, ту его часть, к которой у нее был доступ, – и задалась вопросом, какие из его рубрик заслуживали пристального внимания. Может, ей стоило бы устыдиться своего пристрастия к драмам, внесенного в графу «занятия в свободное от работы время»? Или того факта, что дуэлянт из нее получился энергичный, но средненький по способностям? А чем вообще немертвые генералы занимаются, когда не заняты делом?

– Семья хотела, чтобы я осталась дома, – сказала она. – Военщина им не нравится. – Точнее, гекзархат. Черис не стала говорить о том, что ей захотелось стать частью чего-то большего, и Кел с их конформизмом казались подходящими для воплощения в жизнь такой цели.

– Ладно, – сказал Джедао после тревожного молчания. – Четвертый дисплей: обзор имеющихся ресурсов. Пятый: хочу взглянуть на техническое развитие за последние сорок лет. Может быть, современный технический уровень выше, чем был. Шестой оставьте пока что пустым.

– Вы уже всё обдумали, – сказала Черис, устанавливая дисплеи.

– Не люблю тратить время зря. Вся эта система основана на времени, не так ли? Приступим в обратном порядке.

Гекзархат сталкивался с низкоуровневой календарной деградацией каждый день. Вспышки полномасштабной гнили были относительно нечастыми, но всё равно все давно осознали необходимость инвариантного оружия, которое не зависело от высокого календаря.

Черис и Джедао вместе просмотрели сведения на пятом дисплее.

– Никаких прорывов, – сказал Джедао, когда они внимательно изучили сводку. – За исключением грибкового кокона, военная техника похожа на ту, что была раньше. А мы не хотим прибегать к кокону, потому что потом придется потратить целое состояние, чтобы навести порядок. Приятно видеть, что война никогда не меняется.

Черис бросила на тень резкий взгляд, но по желтым глазам ничего нельзя было прочитать.

– Еретики знают, чего от нас ожидать, – сказала она.

– Я всё равно не собирался жахнуть по ним из какого-нибудь секретного оружия. Конечно, нельзя исключать, что у них-то как раз есть мерзкая новая экзотика. Единственный способ разобраться – подойти достаточно близко и посмотреть, чем в нас пальнут.

Когда они повернулись к четвертому дисплею, кто-то дважды быстро и легко постучался в дверь. Техник Нирай вошел, не дожидаясь приглашения.

– Я зеркало в твоих руках, но ломаюсь от поцелуя, – сказал он с хулиганской улыбкой.

– Вода, – любезно ответил Джедао. – Эта загадка старше гекзархата. Черис, вы не могли бы переключить пятый на выделенные мощности? Спасибо.

– Загадке ни в коем случае не следует признавать собственный возраст, – сказал Нирай. Он разыскал стул, присел и начал раскладывать пасьянс из карт джен-цзай.

– Не обращайтесь на него внимания, – сказал Джедао Черис. – Расскажите мне про мот-двигатели класса 22–5. Если бы Бледный Разлом не был календарной мертвой зоной, они бы почти годились для начала новой волны экспансии.

– Не наглей, – сказал Нирай, не отрывая взгляда от карт. – У тебя и так достаточно проблем.

– Можно было бы надеяться на некоторое разнообразие в противниках, – парировал Джедао.

Черис моргнула. Ей точно не померещилась холодность в его голосе. Но выражение лица Нирай было безмятежным, словно он ничего не услышал.

– Что касается роя, – продолжил Джедао, – должен признать, что этот новый – прошу прощения, для вас он не новый – класс пепломотов производит сильное впечатление, но, просто глядя на цифры, я не могу предугадать, как эти корабли поведут себя в бою, да и вы никогда на таком не служили.

Еще бы.

– Нет, – сказала Черис. В гекзархате было всего шесть пепломотов, и ее поразило, что им выделили два – «Искреннее приветствие» и «Неписанный закон». Черис даже не пыталась предугадать, как отреагируют на это их командиры. – Но у меня есть вопрос по поводу протокола.

– Задавайте.

– Как будет решен вопрос с вашим рангом? В особенности с учетом того, что никто другой вас не слышит?

– Когда мы соберем рой, вам присвоят внеочередное звание за мой счет.

Черис попыталась не выдать, насколько она потрясена.

– Если вы чихнете не по правилам, вас сперва пристрелят, а разбираться будут позже. Командование Кел настаивает, что меня нельзя лишить звания, пока они не придумают соответствующую церемонию, но, похоже, у них так и не нашлось времени договориться по этому поводу.

Потому что они хотели и дальше им пользоваться, а убить его могли в любой момент. Но она не сказала этого вслух.

После короткой паузы Джедао добавил:

– Есть очень короткий список экзотического оружия, которое убьет нас обоих. Большая часть экзотики сперва убьет меня, не нанеся вам необратимых повреждений, но как только я уйду с дороги, вы станете такой же уязвимой, как и все прочие люди. И с инвариантным оружием вам по-прежнему придется соблюдать осторожность. Давайте-ка всё же выведем этот список экзотики на шестой дисплей. Да, именно такой поисковый запрос нам нужен.

Когда Джедао назвал список очень коротким, он не погрешил против истины. В нем было всего два вида оружия: «гениальный пистолет» и «змеиная стрела».

– Помимо этого, – сказал Джедао, – вы можете ничего не бояться при первом выстреле. Если они прибегнут к экзотике, значит, захотят получить вас живой – и, видимо, вам ничто не угрожает. Но я не думаю, что Нирай захотят провести такое испытание.

– Я всё слышал, – заметил техник. – Если пожелаешь, придумаю что-нибудь лично для тебя.

– О, славно, – сказал Джедао, в чьем голосе сильно поубавилось почтительности. – Я-то начал волноваться, не отказало ли тебе воображение. Кроме шуток, расскажи-ка мне, на что способны пепломоты. Догадываюсь, это твоя разработка?

– большей частью, – признал Нирай. – Но почему бы тебе не задать тот же вопрос своему якорю? Заодно узнаешь, насколько хорошо она оперирует цифрами. – Он имел в виду не только размеры пепломота или количество губителей у него на борту, но и важность этих цифр, а также взаимосвязь между ними в контексте высокого календаря как системы верований.

Черис рефлекторно попыталась прочитать выражение лица, коего у Джедао не было.

Немертвый генерал это заметил.

– Я могу кое-что прикинуть, – сказал он. – Но для проверки таких данных мне были нужны вычислительные инструменты или знатоки, чтобы с ними проконсультироваться. Я не смогу построить пепломот, даже если мне дадут чертежи и коробку гвоздей... – Тут Нирай ухмыльнулся. – ...Но я могу сделать так, что он запоет в бою. Вы будете моим знатоком, Черис. Расскажите мне всё.

В технических характеристиках пепломота были кое-какие параметры, к которым она обычно не имела доступа. Она мысленно распределила их и увидела, как цифры соотносятся друг с другом.

– А они проворные, – сказала она через некоторое время. – Я этого не ожидала.

Она указала на основополагающие уравнения и объяснила, как они связаны с кривыми мощности. Джедао затих, а потом попросил:

– Переведите это в графическую форму для меня, будьте так любезны.

Интересно. Математика – не его конек? Но такую просьбу достаточно легко удовлетворить. Заодно она графически продемонстрировала, как пепломоты проецируют вокруг себя календарную стабильность и как их огневая мощь соотносится с мощью знаменотов, уступающих в размере. Используя

стандартизированный симулятор, она показала, что мог сделать против инвариантного льда один пепломот, предполагая идеально просчитанные действия с обеих сторон, а затем – два пепломота, потом шесть. Было почти жаль, что они не могли заполучить все шесть; пепломоты оказывали друг на друга синергетический эффект. Черис заметила, что Нирай следит за ней с задумчивым видом, но если ему и было что сказать, он оставил это при себе.

Крепость Рассыпанных Игл, Аналитический отдел

Приоритет: Личный

От кого: Вахенц аффрир дай Ноум

Кому: Гептарх Лиож Цзай

Календарные детали: Год Тучной коровы, месяц Курицы, и само по себе странно, что люди проголосовали за то, чтобы назвать этот новехонький календарь в честь фермерских животных, но – что еще за день Шелковичного червя? Пришлите мне служебную записку, если Доктрина придумает что-нибудь более захватывающее.

Дорогая Цзай, простите меня за нервозность. Чем больше говорят о том, что к новым циклам в Крепости легко привыкнуть, тем меньше в это верится. Свет стал таким тусклым, и похолодало – как будто мы в краю снегов и безжалостных ветров. А ведь я прибыла сюда, чтобы избавиться от неприятностей, которые способна доставить планетарная погода.

Призываю вас изменить свое мнение по поводу назначения Третьей аналитической группы, ответственной за решение проблемы с этим последним юстициарием Рахал. Я, как и любая на моем месте, уцепилась бы за лакомый кусочек, но Рахал есть Рахал. По правде говоря, Кел с их ерундой про «ястребов-самоубийц» – отнюдь не те, от кого стоит и впрямь ожидать самоубийственных выходов. Кел, да восславятся их микроскопические мозги, взглянут на цифры и поймут, что нет смысла жертвовать десятью своими, чтобы убить одного из ваших. А вот Рахал – о, тот готов убиться назло, если какой-нибудь «абстрактный

высший принцип» этого потребует. Тем не менее я полагаю, вы уже всё решили по этому вопросу, и не может быть никаких споров о том, что мы должны их искоренить подчистую, так что сделаем по-вашему.

Вы всегда пропускаете вступительную белиберду и переходите к сути донесения – пора переходить к делу, верно? Я отслеживаю переговоры сторожевого роя, засевшего в ловушке, и можете не сомневаться, что в этом деле я проявляю максимум усердия. Оцените: даже принимая изумительную ванну с... впрочем, проехали, – не думаю, что вас интересуют такие мирские удовольствия. Ограничимся тем, что я теперь вижу потоки данных, даже когда засыпаю.

Кел держатся на расстоянии. Это как в дуэльном поединке, понимаете? Но вы ведь их тоже не смотрите. Маленькие стаи параноиков-разведмотов носятся туда-сюда, вот и всё, что мы видим. Они отслеживают ситуацию. Пока что полноценного военного роя не видать. Сами понимаете, в Аналитическом отделе все нервничают в ожидании того, что они нам противопоставят.

В этом-то и проблема. Забудем анекдоты про Кел – ястребам только и нужно, что пострелять, долго готовиться они не любят. Но что же происходит? Дело в том, что их жестко сдерживают Шуосы – ведь если бы всё зависело только от гекзарха Кел, мы бы уже спать не могли из-за бомб. Они не просто явятся сюда, растопырив стволы орудий. С пушками мы бы справились. Они придут с планом, то есть с каким-нибудь заковыристым многоступенчатым планом, как принято у Шуосов. У нас нет никаких успехов во взломе их шифрования, но они точно придут, рано или поздно. Если они полностью потеряют Запутанную марку, окружающие ее марки тоже посыплутся. В этом заключается красота потока календарной гнили – и для них станет сюрпризом, что наш Аналитический отдел так хорошо организован.

Пока что на полигоне мы используем мишени в виде лис с девятью хвостами. Очень хорошо снимает стресс. Как-нибудь приходите, присоединитесь ко мне. Или хотя бы полюбуйте, какой я меткий стрелок. Всякий раз попадаю в глаз.

Искренне ваша в календарной ереси,

Вх.

В воздухе медленно вертелось схематическое изображение Крепости Рассыпанных Игл. Она напоминала раздувшуюся луну с шестью подземными полостями – каждая вмещала от сорока до шестидесяти тысяч человек и имела особую структуру. Защитные «ребра» обеспечивали целостность Крепости.

– Инвариантный лед, – говорил Джедао. – Полагаю, никто так и не понял, где добыть побольше этого вещества.

Черис посмотрела на Нирай, но тот их игнорировал.

– О таких вещах капитаны пехоты ничего не знают, – сказала она.

Инвариантный лед генерировал в окружающем пространстве щиты. Они были непроницаемы для всего, за исключением узкого диапазона коммуникационных частот. В принципе, достаточно мощная атака могла справиться со щитами и истощить ресурс льда. Но, по последним сведениям, даже бомбы-фурии оказались бессильны, и к тому же они всё равно были экзотическими.

– Не знаю, как вы планируете превозмочь щиты, – сказала Черис. Гекзархи оборудовали ими крепость в центральной узловой точке именно по причине неуязвимости. Календарные эффекты в узловых точках возрастали, и все были убеждены, что инвариантный лед предоставит крепости достаточную защиту.

– Сколько людей уже пытались это сделать? – спросил Джедао.

– Они умирают, не успев приблизиться, – сказала Черис. – Но ситуация всё равно плохая. – Она обратилась к одному из стандартных симуляторов и запустила очень упрощенный сценарий. Высветилась итоговая боевая статистика. – Не думаю, что гекзархов впечатлит осада длительностью двадцать девять лет.

Джедао тихонько рассмеялся.

– Это не займет так много времени. Мы не сражаемся со льдом, Черис, мы сражаемся с людьми, которые используют лед. Давайте посмотрим, какие разведданные у нас есть по Крепости.

Они разделили между собой итоговые выводы и наиболее перспективные донесения шпионов.

- Не думаю, что вас обучили еще и работе с разведданными, - сказал Джедао.

Нирай теперь переворачивал карты лицом вверх. В центре пасьянса располагался Утонувший генерал. Черис поморщилась - уж слишком эта карта напоминала ее ситуацию.

- Простите, - сказала она Джедао. - Почему бы вам просто не сказать мне, что мы ищем?

- Очевидные вещи. Кто это устроил и как? Крепость расположена в таком месте, что произошедшее с нею не может быть случайностью. Кто-то избрал ее своей целью и преуспел. Я удивлен, что местные юстициарии Рахал не засекали проблему и не избавились от нее в своей обычной грубой манере. Это означает, что кто-то свел воедино множество параметров и в нужный момент привел в действие некий план. Для такого требуется серьезная подготовка.

- Вы намекаете на заговор.

- У меня нет доказательств, но моя интуиция кое-чего стоит.

Большинство донесений были поданы несколько недель назад. Что бы ни случилось, оно произошло внезапно. Связь отключилась почти в самом начале событий. Лишь после того, как из боевого отряда в двадцать пять кораблей вернулся единственный линзомот, гекзархи запретили всем приближаться к Крепости.

- Кстати, умный ход, - саркастично заметил Джедао. - Поскольку новости извне не поступают, у местных нет другого выхода, кроме как прислушиваться к тому, что скажут еретики.

Нирай опять ухмыльнулся.

- Ну да, ну да, - сказал он. - Чего еще можно ожидать от кучки гекзархов?

- Это стандартная процедура, - напряженно проговорила Черис.

- Конечно, - ответил Нирай.

Она пыталась вникнуть во внутреннюю политику Крепости - там то и дело возникали склоки, но ведь система как таковая поощряла соперничество между фракциями, - когда Джедао заговорил опять.

- Об этом упоминается мимоходом, - сказал он, словно размышляя вслух, - но я вижу какие-то слишком уж серьезные «предварительные рыночные исследования», проведенные местными. О каком рынке идет речь? Демографические данные в файле есть, только вот...

- В чем дело? - спросила Черис.

- У меня чрезмерно живое воображение, - сказал Джедао. - Только и всего. Рекомендую взять с собой разведкоманду Шуосов для аналитической поддержки и роту их же полевых агентов. В рое в любом случае будут отряды Шуосов, но их цель - следить, не одолел ли я вас. Нам нужны люди, которые будут изучать врага. Чем больше глаз, тем лучше.

«Чем больше глаз, тем лучше». Девиз фракции Шуос. Она не слышала эти слова уже давно, но то, что даже такой старый Шуос, как Джедао, ими руководствовался, как-то обнадеживало.

- Мне было бы спокойнее, - сказала Черис, - знай я больше о ваших планах разобраться с инвариантным льдом.

Она снова взглянула, во что играет Нирай. Он сооружал из карт замысловатую крепость. Наверное, этим и занимаются Нирай, когда им скучно. Она точно промахнулась, став одной из Кел.

- Когда я был жив, - сказал Джедао, - «штурм Крепости» был стандартным экзаменационным вопросом в Академии Кел, и обычно его задействовали в качестве одного из безнадежных упражнений в симуляторах. Это по-прежнему так?

– Я не экзаменатор, – сказала Черис, – но думаю, что мы сможем получить такие сведения. Шестой дисплей?

– Почему бы и нет.

Черис, словно зачарованная, уставилась на категоризацию ответов на этот конкретный экзаменационный вопрос. Кто мог знать, что у экзаменаторов Кел есть чувство юмора? Двумя категориями, которые привлекли ее внимание, были «еретическое мышление» (что и следовало ожидать) и «безнадежная тупость» (тоже следовало, но не в такой прямолинейной формулировке).

– Неудивительно, что меня не взяли в инструкторы, – сказал Джедао, тоже очарованный. – Я бы не вписался.

Жертвенный Лис – инструктор? Вот уж нет.

– Какая категория вас интересует? – спросила она.

– Давайте проверим распределение в «еретическом мышлении» и «завтра же повесить».

Ее внутренности свело судорогой.

– Только цифры, Черис.

Два процента экзаменационных ответов были помечены как еретические. Черис подозревала, что эти кадеты в Академии не задержались – или их назначили на непопулярные должности с вечным клеймом в личном деле. Наверное, в ее полном досье, к которому у нее не было доступа, теперь имелась аналогичная пометка из-за того, что она предложила разбудить Джедао.

– Я прекрасно понимаю, что не стоит пытаться уговорить вас взломать эту базу и вытащить больше сведений, – мечтательно проговорил Джедао. – Вы, Кел, в таких вещах ужасно упрямы.

– Рада, что вы о нас такого высокого мнения, – сказала Черис.

– Шуосская привычка, только и всего. Вы же понимаете, что всё оружие в вашей власти? – Голос немертвого генерала звучал так, словно он расхаживал по комнате из угла в угол.

– Она не дурочка и отлично понимает, что решение о том, куда направить это оружие, принимают Шуосы, – с недобрим видом проговорил Нирай. Построенная им крепость была огромна. И как только она не рухнула, превратившись в вихрь карт?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Названия фракций гекзархата (Кел, Шуос, Видона, Рахал и Андан), присоединенные к именам персонажей, не склоняются (по аналогии с китайскими, японскими и корейскими фамилиями). – Прим. перевод.

2

Субвокализация – мысленная речь, при которой фактические движения языка и голосовых связок могут фиксироваться специальными датчиками.

3

Марка – здесь означает, как в средневековой Европе, приграничную провинцию.

4

Коллективный разум.

5

Эйдетическая память – способность запоминать в мельчайших подробностях образ предмета или явления.

6

Слово французского происхождения (гл. revenir – возвращаться), обозначающее человека, который восстал из мертвых.

Купить: https://tellnovel.me/ru/li_yun/gambit-devyatihvostogo-lisa

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)